

Наследник рода Ривас

Автор:

[Св Ск Са](#)

Наследник рода Ривас

Св Ск Са

Боярь-анимеПервородный Серж Ривас #2

С каждым днём приближение катастрофы для нового Сержа Риваса всё яснее. Его мир на грани войны за последние источники магической энергии, в шаге от глобального прорыва хаоса. Этот подросток не обладает ни впечатляющей магической мощью, ни свободой в принятии решений, но ему придется решать проблемы и близких людей, и вассалов, в то время как число желающих набросить поводок на него самого растёт в геометрической прогрессии.

Св Ск Са (Сергей Катковский)

Наследник рода Ривас

© Св Ск Са, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава 1

Часть дороги до Люксембурга я честно проспал – сказала усталость последних ночей. Проснувшись, я первым делом перебрался на сиденье к Астре и вознамерился положить голову ей на колени. Та грустно усмехнулась:

– Первородный хочет оказать мне такую честь?

Я немного смутился:

– А это что-то означает? Просто я неоднократно видел, как молодые люди делают так, и подумал, что в этом нет ничего, противного чести.

– Противного чести – ничего. Только вот таким образом мужчина показывает, что доверяет данной женщине. Так часто унижают юнцов, позволяя им отдохнуть у себя на коленях, а затем без их разрешения принимая приглашения других мужчин на танец или сопровождение, к примеру, на второй акт театрального представления.

Я немедленно простил обоих братьев Лонг. Если бы не они, меня бы вполне могли поймать в эту ловушку и я даже не понял бы, в чём дело!

– Век живи, век учись и дураком помрёшь, – сказал я и... улёгся головой на колени Астры под её звонкий смех. Кстати, это первый раз, когда я его слышу.

Я сразу почувствовал в энергетике Астры какую-то родную для себя нотку. И только через несколько минут сообразил, что это: Астра имела канал на план смерти, такой же был у графа Ашениаси!

То ли по этой причине, то ли почему-то ещё – надо проверять, но полное изучение энергосистемы Астры заняло у меня всего около двадцати минут. Всё это время Астра сидела не шевелясь, убрав руки. Кроме канала на план смерти у неё обнаружилась ещё одна особенность – значительно более развитые каналы от средоточия к низу живота. Закончив с этим делом, я решил немного поговорить Астру:

– А ты едешь в Люксембург по делу или за компанию?

– Мне... неприятно находиться рядом с Марией. Она ведь ждёт ребёнка.

Да уж, похоже, Марию многие члены этой семейки очень хотят увидеть в месте поминовения.

- Это из-за того, что после рождения ребёнка ты лишишься положения наследницы семьи?

- Моё положение наследницы всегда было лишь пустой формальностью. Я скорее покончу с собой, чем приму права и обязанности главы рода Тодт.

- Почему?

- Я пустоцвет.

- И что это означает?

- Я не могу иметь детей, - по её голосу было понятно, насколько ей горько и больно произносить это.

Вот это поворот! Естественно, ей, должно быть, очень неприятно смотреть на счастливую Марию. Если ещё учесть, что необученные маги с каналом на план смерти отличаются склонностью к меланхолии, понятно, почему я никогда не слышал её смеха.

Вот я дурак! Конечно же она не может иметь детей! Посмотрел бы я, кто сможет выносить ребёнка, которого двадцать четыре часа в сутки «подкармливают» энергией смерти - конечно же, если у ребёнка самого нет канала на этот план. Да их по году учат перекрывать поток по направлению к плоду, чтобы не навредить ребёнку. А Астра наверняка, если вспомнить картину её энергосистемы, наоборот, ещё и усиливала ток своей магии к плоду. Естественно, у неё были выкидыш за выкидышем. Я больше для себя, чем для неё произнёс:

- И ты едешь в Люксембург к сестре по несчастью.

- Именно так. Альбина согласилась приютить меня, может быть, даже поискать мне работу. В университете я неплохо справлялась с целительством.

Естественно, маг с каналом на план смерти просто-таки обречён иметь хорошие задатки целителя.

Я повернулся на спину и посмотрел в глаза Астры. Мне стало бесконечно жаль её, но дарить ей спасение за просто так? Меня самое сильное животное в мире ни за что не поймёт. Надо искать выгоду. Впрочем, хватит лукавить, причём ещё и самому с собой. И помогу я ей конечно же, только вот как бы это обставить, чтобы не было вопросов откуда и было полное доверие к поступившей информации? И выгода есть хотя бы в том, что отдавать в лапы демону человека с каналом на план смерти – это как изводить сорную траву удобрениями. Пока концентрация удобрений достигнет такой отметки, что сорная трава перестанет расти, любое культурное растение уже давно сдохнет. Вдруг Астра прервала молчание:

– Вы... вы мне поможете?

– Так, насколько я понял, информация о том, что моя помощь может решить твою проблему, пошла от Марии?

– Да. – Она смотрела на меня во все глаза. Нет, такую отчаянную надежду я обмануть не могу.

– И как она это объяснила?

– Как и всё, что она говорит о вас: «Он сможет».

У меня просто нет слов! Одной – двадцать пять, другой, по словам тётушки Бра, почти тридцать, и обе верят в мальчишку, которому меньше одиннадцати лет! Да, и почему это Астра мне «выкает»? Её ответ меня убил:

– Потому что я принесу вам клятву личного вассалитета. – И, очевидно, что-то увидев в моих глазах, заторопилась: – А та же Альбина запросила бы с меня за помощь не меньше. Так что уж лучше я буду служить вам за надежду иметь хоть одного ребёнка, чем ей за стол и кров. А оставаться в замке Тодт я точно не смогу. Я ведь ещё и Анжеле мешаю: если бы не я, у Терезы уже давно был бы брат или сестра.

В этот момент мне показалось, что я обнаружил слабое звено в её рассуждениях:

– Но если я тебе помогу, то причина, по которой ты хочешь держаться подальше от родного дома, исчезнет.

– И что? Оставаться в замке приживалкой ни я, ни Анжела не хотим. Вы подарили Анжеле шанс найти приличное место, и она обязательно уедет, как только вам исполнится шестнадцать лет...

– То есть, – перебил я её, – как только станет ясно, сможет ли помощь Марии вновь пробудить алтарный камень, вернув Тодтам наименование «род» и титул «родовитые»?

– Да, первородный.

– Хорошо, слушай моё решение. – Астри вытянулась в струнку на сиденье, умудрившись никак не потревожить при этом мою тушку. – Прежде всего я расскажу тебе о тех упражнениях, которые, может быть, помогут тебе. Ты дашь клятву неразглашения этих сведений. – Хотела что-то сказать, но смолчала, молодец. – Затем я разговариваю с Георгом. – Мне кажется, Мария заслужила порку за такие рекомендации – вселить надежду, причём даже не поставив меня в известность! – И выясняю его отношение к тому, что ты покинешь замок Тодт. После этого ты проделываешь упражнения, я же наблюдаю. И только после того, как забеременеешь, мы вернемся к разговору о личном вассалитете, если эта больная фантазия не выветрится из твоей головы. Я ничего не забыл?

– Забыли, первородный.

– И что же?

– Забыли приказать мне не ставить в известность Марию о том, что её ждёт после вашего возвращения.

– Да? А вот интересно, почему это я должен именно приказывать человеку, который не является моим вассалом и с такими детскими ловушками далеко не факт, что станет?

Тут Астра не выдержала и, хохоча, заключила меня в объятия:

– Я перенесу все испытания, мой сюзерен, – обещала она с сияющими глазами.

* * *

Только приехав в Люксембург, я сразу же побежал искать Потапыча.

– Так, я уже понял, что в прошлый раз ты мне солгал. Рассказывай теперь всю правду, если действительно хочешь, чтобы я тебе помог.

Потапыч тяжело вздохнул:

– Ты, это, не сердчай особо на меня. Я уже голову сломал, всё думал, как беду отвести от дома. Ведь если узнают, что здешний человечек учудил, тут не только дом порушат, а яму выкопают, и солью ее заполнят...

– Потапыч, давай без лишних гипербол.

Тот ещё раз вздохнул и начал колотиться.

Герцог Люксембург жаждал силы. Это в общем-то обыденное желание в его случае усугублялось тем, что его младший брат имел резерв в полтора раза больше, нежели он сам. С самого детства герцог завидовал младшему брату, который не только превосходил его, но и нисколько не завидовал самому герцогу. Каждого встречного герцог подозревал в том, что тот сравнивает герцога с братом и не находит причин, почему наследником был избран именно старший из братьев. Эту часть Потапыч рассказывал несколько путано. Как я понял, с назначением наследника не всё было чисто.

Каким образом герцог смог вызвать демона, Потапыч не знал, никаких особых ритуалов тот не проводил.

Я про себя поразился. То не встречал ни одного человека с каналом на какой-либо из планов, а за сегодняшний день узнал сразу о двоих: призвать демона без ритуала может только маг, имеющий канал на демонический план.

Герцог заключил с демоном договор, но был обманут и захвачен демоном. Потапыч прикрыл этот некрасивый поступок, не дал родовой магии покарать герцога, за что и был наказан. Наказание было не очень сильным только потому, что призыв оказался неполноценным, на Землю проник не сам демон, а лишь какой-то из его помощников. Ни имени демона, ни типа помощника Потапыч не знал.

Близняшки оказались лишь жертвой и временными якорями демона. Отсутствие дара у них – работа демона, он пользуется их источниками, перенаправляя на себя их магию. Она нужна ему для того, чтобы поддерживать себя на Земле, иначе он уже давно бы был притянут обратно своим планом. Герцогиню же Потапыч в прошлый раз попросту оболгал: она действительно не гнушалась никакими средствами, чтобы женить на себе герцога, но все в пределах обычных женских хитростей. А кто повёлся на эти уловки – сам виноват.

Для вызова самого демона на Землю необходимо принести близняшек в жертву, но только уже после первой инициации, то есть после двенадцати лет.

Ритуал, который хочет провести Потапыч, должен изгнать призванное существо на его план, сам герцог при этом погибнет. Близняшки же либо умрут, либо действительно лишатся дара. Именно на них перейдет проступок их отца, магия же рода очистится. Именно к этому стремился Потапыч.

Я был зол. Прежде всего за близняшек:

– Вот скажи мне, неужели тебе не жалко этих детей?

Потапыч лишь криво ухмыльнулся. Что-то еще мне в его рассказе было непонятно.

– А поведай-ка мне, любезный, с каких это пор целенаправленное лишение членов рода магии не является преступлением против рода?

Вот тут Потапыч явно занервничал. Меня пронзила страшная догадка:

– То есть ты хотел этот грех перед магией на меня повесить? Да я тебя за такие мысли в шуликуна[1 - Шуликун – начальная стадия развития домового.]

превращу и скажу, что так и стояло!

Потапыч оскалился:

– Руки коротки! Да ты знаешь, через что мне пройти пришлось, чтобы до такого вот развиться?! А вы, людишки, и так мрёте как мухи. Одним больше, одним меньше... А на магии рода Ривас это бы никак не отразилось, не беспокойся.

– Да я и не беспокоюсь. Только вот что руки коротки, это ты не прав...

Я хотел объяснить домовому про вручённую мне бусину, однако не успел. Потапыч попытался применить против меня тот же приём, что и Митрич против кикиморы, но вместо того чтобы раздавить меня, он раздавил бусину, лежащую в моём нагрудном кармане. Потапыч взвизгнул на очень высокой ноте и закрутился против часовой стрелки. Во время вращения он становился всё более прозрачным, пока полностью не исчез.

Это заняло не более пятнадцати секунд. Покачав головой, я уже хотел идти искать близняшек, так как не представлял, сколько времени займёт у домовых разбирательство с Потапычем, однако только я повернулся, раздался громкий хлопок. Обернувшись, я увидел шуликуна, который пропищал:

– Наказание, назначенное первородным Сержем Ривасом для меня, признано законным и соразмерным. В качестве награды за разоблачение предательства хозяина Потапыча Сержу Ривасу отдаётся способность хозяина Потапыча перемещаться к костру хозяев. Способность отдаётся на весь срок жизни Сержа Риваса.

– Потапыч, ты, что ли?

– Я. Спасибо тебе, Серж Ривас.

– За что?

– Спас ты меня. От превращения в нечисть спас. Этот демонский прислужник не только человека, он и меня, оказывается, изменял. Ведь чтобы хозяин против членов рода своих жильцов задействовал, их убить замышлял, это неслыханное

дело.

– Подожди, так, может, ты теперь вспомнил если не имя этого прислужника, то хотя бы имя его хозяина?

– Если и знал когда, то после перерождения всё забыл. Возьми, Серж Ривас, – он протянул мне чёрный камушек, который я принял бы за уголёк, если бы он пачкался и крошился.

– А как ты сам без этого доступа?

– Так это ж не навсегда. И потом, это я сам не могу к костру перейти, а позвать меня любой хозяин может. Да и обещали мне заглядывать, чтобы, ежели что, можно было новостями поделиться.

* * *

Близняшек я нашёл в той же памятной для меня комнате, где мы вместе смотрели фильмы. От взгляда Марии температура в ней как будто понизилась градусов на...дцать. Екатерина же слегка улыбнулась, увидев меня, и тут же отвернулась, задрав носик.

Мария сразу же бросилась в атаку:

– И что первородный хочет нам сказать?

– Первородный хочет пригласить вас обеих на прогулку.

– И почему же первородный думает, что мы согласимся?

– Потому что иначе, – тут я сделал шаг, оказавшись вплотную к Екатерине, и шепнул ей на ухо: – Иначе я сегодня откажусь смотреть с вами фильмы.

Екатерина развернулась ко мне. Я невинно похлопал глазами и сделал губы бантиком.

– Это... слишком ужасная угроза, – медленно произнесла Екатерина. – Очевидно, нам придётся поддаться на столь грубый шантаж, – и, не выдержав, рассмеялась.

Мария с обидой посмотрела на неё.

– Ну и пусть. А я не пойду!

– Что ж, – вздохнул я, – придётся тебе одной отдуваться в гимнастическом зале за двоих. Меня тут по секрету предупредили, что по случаю летнего солнцестояния вам хотят увеличить нагрузку. Я бы мог спасти тебя от этого, но раз ты отказываешься...

– Серж, а про нагрузку – это правда? – громким шепотом спросила Екатерина.

– Нет, – таким же способом ответил я.

– Да вы сговорились! Кэт, как тебе не стыдно?! Мы ведь решили, что накажем этого предателя невниманием, и пусть он подольше просит у нас прощения за своё безобразное поведение! Представляешь, Серж, эта предательница такие картины рисовала тут передо мной, так доказывала, что тебя следует проучить, а я всего лишь поддаюсь её влиянию! Не верь ей! – Она схватила меня под локоть и потянула в сторону. – Пойдём, мне надо услышать твоё мнение о наряде, который я надену на нашу прогулку.

* * *

Естественно, мне пришлось оценить множество нарядов, прежде чем девочки выбрали, в чём желают пойти. На прогулке они веселились... как дети. Они бегали вокруг меня и охраны, дурачились и вели себя абсолютно не подобающе их статусу.

Мы прошли в парк и остановились у небольшого павильона, торгующего в том числе и мороженым. Близняшки устали и присели спокойно. Мы поглощали вкусное лакомство и наслаждались музыкой, доносившейся из глубины парка. Первой молчание прервала Мария:

– Как хорошо, что ты не стал обижаться на эту дурочку Кэт за то, что она попыталась холодно тебя встретить, и вытащил меня на прогулку.

Екатерина сначала попыталась вскинуться от столь нелепых обвинений, но я успокаивающе погладил её запястье:

– Действительно, нехорошо с Екатериной получилось. Надо ей уделить повышенное внимание. Как ты смотришь на то, чтобы поехать со мной на конную прогулку? – обратился я к Екатерине. – Представляешь, только ты и я... ну, и несколько человек охраны неподалёку.

– Ну вот, только я настроилась на романтический лад, как ты всё испортил, – притворно возмутилась та. – Но, хоть проверку на романтичность ты не прошёл, я с радостью принимаю твоё приглашение.

Мария переводила взгляд с меня на сестру и обратно, постепенно закипая. Но прежде, чем она взорвалась праведным негодованием, я вскочил, подхватил её на руки и закружил:

– Екатерина, ты только посмотри скорее на сестру! Такое выражение лица не купишь ни за какие сокровища!

Мария уже открыла рот для гневной отповеди, но вдруг как-то потухла и сжалась. Я немедленно остановился и посмотрел ей прямо в глаза. Она смело встретила мой взгляд и неожиданно для меня спросила:

– Почему ты не приехал в марте?

Не опуская взгляда, я твёрдо, но тихо произнёс:

– А вот об этом я и хотел с вами поговорить подальше от посторонних глаз и ушей. – И уже гораздо громче: – Ну что, согласна на конную прогулку?

Она с удовольствием мне подыграла, изобразив бурную радость, но я почувствовал, как её тело напряглось. Спрыгнув с моих рук, она подбежала к Екатерине и что-то зашептала ей на ухо. Екатерина засмеялась и легким кивком показала, что восприняла информацию об истинном назначении

прогулки.

Прокат лошадей был в самом парке. Конечно же, эти лошади были хуже, чем во дворце Люксембург, но возвращаться туда я не рискнул – кто знает, какие инструкции у слуг относительно близняшек, особенно учитывая, что для прислужника демона удаление якорей от него смерти подобно. Понятно, что так просто он не уйдёт, либо взорвёт весь дворец, либо переродится в боевую форму и устроит массовое жертвоприношение с целью если не вызвать своего господина, то хотя бы передать ему с Земли побольше энергии.

Поэтому когда мы будем с этим прислужником сражаться, близняшкам лучше уехать за пределы его чувствительности – это сильно ослабит привязку прислужника к Земле и облегчит мне задачу изгнания.

Охрана держалась в некотором отдалении. Мы неторопливо ехали по парку, казалось, куда глаза глядят, но постепенно удалялись от дворца. Вдруг девочки одновременно ойкнули и согнулись, прижав руки к животу. Правда, тут же выпрямились. Я придвинулся к ним поближе и негромко спросил у Марии:

– Один раз сильно кольнуло, а теперь как будто ощущение пустоты?

– Да. – Она несколько удивлённо посмотрела на меня. С другой стороны я почувствовал не менее заинтересованный взгляд Екатерины. Я придержал лошадь, пропуская девочек вперёд, а затем догнал их, заняв место слева от них.

– Теперь слушайте...

Я рассказал им всё, что знал о ситуации в их роде. Первой опомнилась и задала вопрос Екатерина:

– А мы умрём при изгнании этого... демона?

– Не демона. С демоном я точно бы не справился без привлечения боевых магов, а это означает ненужную огласку. Нет, если вы будете в момент изгнания находиться дальше от дворца, чем сейчас, то точно не умрёте, а ещё и поможете мне.

- Чем поможем? – это уже Мария.

- Сейчас прислужник вас не чувствует. Это ослабляет его связь с Землёй. То есть изгнать его мне будет значительно легче.

- А для тебя это не опасно? – снова Мария.

- Ну, я постараюсь уменьшить риск. Конечно, если бы меня посвятить магии рода...

- Посвятить магии?! А это как? – на этот раз вопрос задала Екатерина.

- Ну, есть такой ритуал, в ходе которого члены рода ручаются за человека магии рода. В этом случае мне будет гораздо проще действовать во дворце.

- А мы не можем тебя посвятить? – спросили сестры хором.

- Нет, не хочу, во-первых, тревожить тварь, а во-вторых, вы ещё не прошли даже первой инициации.

- А кто может?

- А я знаю кто! – воскликнула Мария. – Бабушка!

- Ну, высокородная Элизабет, конечно, может, только вот захочет ли? Поверит ли мне?

- Поверит, – без малейшего сомнения кивнула Екатерина. – Она нам давно уже говорит, что папы нет, вместо него кто-то чужой.

- А почему она тогда не уехала сама и не забрала вас?

- Сама не уезжает из-за нас, а нас не выпускают. Мы нигде за пределами Люксембурга не были. И даже если и выезжали куда-то, то ночевали всегда во дворце.

Я кивнул. Рассказанное Екатериной полностью совпадало с моими мыслями. Прислужник не мог долго обходиться без своих якорей, а это означало, что он недостаточно закрепился на Земле. Я остановился:

– Что ж, мне кажется, мы уже достаточно долго были за пределами зоны вашей связи с прислужником, чтобы он забеспокоился. Не будем тревожить его ещё больше. Возвращаемся. Тогда с вас, девочки, организация мне встречи наедине с высокородной Элизабет, хорошо?

Близняшки синхронно кивнули.

– А это тот самый подарок, который вы отказались принимать от меня в марте, – я протянул им две совершенно одинаковые коробочки.

– А кому какая? – первой, естественно, не выдержала Мария.

– А вы откройте и определите.

Девочки тут же бросились открывать коробочки.

– Ой, но они одинаковые! – хором возмутились они.

– Точно?

– Ой, точно, смотри, чуть-чуть отличаются, – заметила Мария.

– И правда. Ты какую выбираешь?

– Вот эту, левую.

– Тогда я правую.

– Ну как, правильно? – уже хором, требовательно, обратились они ко мне.

– Угадали, именно так я и планировал.

- Врёшь ты всё, – Мария обвиняющее ткнула в меня пальцем.

- Не вру, переверните их.

- Мария, смотри, у меня на оборотной стороне вензель «Е» и «Л».

- Ой, а у меня «М» и «Л». Признавайся, как ты догадался? – и снова пальчик уткнулся в меня.

- Просто подумалось, что вот этот зверёк больше подходит тебе, а второй – Екатерине.

В коробочках лежали парные платиновые заколки для волос: куница у Екатерины и ласка у Марии.

- А теперь слушайте внимательно. Если почувствуете лёгкое покалывание от этих заколок, тут же уезжайте из дворца как можно быстрее. Это будет означать, что вам необходимо выйти за пределы зоны вашей связи с прислужником, для того чтобы мне было легче с ним справиться.

Девочки мгновенно стали серьёзными. Мария тут же приладила свои заколки на голову, Екатерина же, понаблюдав за этим процессом, убрала свои в карман. Мария посмотрела на неё с возмущением:

- Ты что?!

- Я лучше приеду во дворец и попрошу Сержа самого заколоть мне волосы.

- Ах ты, предательница!

Посмеявшись над пыхтящей от возмущения Марией, мы развернули лошадей по направлению ко дворцу.

Хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах. Именно эта мысль крутилась у меня в голове, пока я ехал из Брюсселя в Ипр. А начиналось всё хорошо...

Близнецы сразу же после нашей прогулки отправились к высокородной Элизабет. Они без труда уговорили бабушку выслушать меня. Высокородная Элизабет после моего рассказа выдвинула только одно условие: чтобы я дал слово, что после изгнания прислужника демона откажусь от статуса, который мне даровал ритуал посвящения. Я, разумеется, согласился, поскольку понимал, что давать такой уровень доступа к родовым секретам и слабостям, который предоставляет подобный статус, можно исключительно от полной безысходности. Вот статус друга рода, голос рода Люксембург в Верховной палате Священной империи и, в случае моего согласия, дружеский союз между родами высокородная Элизабет мне предложила с лёгким сердцем. Для человека вроде меня – не имеющего ни поддержки вассалов (что-то они не торопятся ко мне с выражениями преданности), ни сильной партии – это просто прекрасное предложение. Ну, а про то, что у рода Люксембург будет передо мной немалый долг, и упоминать не стоит.

Из ответов высокородной на мои расспросы я предположил, что противостоять нам будет подручный Левиафана. Впрочем, я и сам склонялся к этой версии, поскольку именно Левиафан покровительствует зависти. А вот круг этого подручного так легко не определялся – ну не уделял я в своё время пристального внимания демонологии.

На руку нам играло и то, что вокруг дворца Люксембург не было крепостной стены – близнецам было гораздо проще выйти незамеченными. Их отсутствие во дворце во время проведения ритуала обеспечивала высокородная Элизабет. Для меня же главным было то, что при необходимости девочки могут очень быстро на карете покинуть зону воздействия прислужника.

Высокородная Элизабет также предложила привлечь к ритуалу посвящения и высокородного Себастьяна. Разговаривали они наедине. Мы с ним увиделись только в зале алтарного камня. Он подошёл ко мне и коротко поклонился:

– Я глубоко сожалею, что нам не удалось поговорить раньше, первородный. Мама рассказала мне обо всём. Я верю всему, что вы ей поведали. Не будем терять времени.

Проведение ритуала назначили на полдень тридцатого мая. Близнецы вместе с тётушкой Бра сразу после завтрака были отправлены «по магазинам». Астри ещё до завтрака вместе с молодой герцогиней Стеллой, матерью близнецов, уехала в Вену. К моему стыду, имя молодой герцогини я узнал только что и про себя предположил, что именно имена и послужили основой их дружбы в детстве.

Сам герцог также отсутствовал. Это, пожалуй, следует немного пояснить. Дело в том, что прислужник при неполном призыве сам не может покинуть место призыва – дворец Люксембург, но вот герцог – вполне, причём на довольно длительный срок. А в том, что призыв неполный, я убедился во время вчерашней прогулки – прислужник с полноценным призывом не так сильно зависит от своих якорей. Вот и в настоящий момент он отсутствовал, обещая приехать только завтра, на сам солнечный ритуал. Его отсутствие стало главной причиной, почему мы решили именно в этот день провести ритуал привязки.

Что заставило меня всё-таки заблаговременно проделать подготовительные работы к ритуалу изгнания, я до сих пор не могу понять. По крайней мере, проводить ритуал изгнания в тот день я точно не собирался. Для изгнания нужно было поставить защиту от демона, завязанную на алтарный камень, пару-тройку атакующих плетений, призывы к богам – да мало ли чего можно было придумать, используя статус представленного магии рода! Не говоря уже о том, что проводить ритуал изгнания прислужника в зале алтарного камня вообще очень опасно. Эта тварь, как только поймёт, что проигрывает, может так ударить по этому камню, что никакая защита не выдержит. А в таком случае уйти демонское отродье может с куда большим треском. Но с самого утра я прошёл в зал алтарного камня и начал строить ритуальную фигуру. Она представляет собой пятиугольник, границы которого обозначены песком, смешанным с кровью (слава богам, для этого ритуала вполне подошла подготовленная козья кровь). По углам фигуры я с помощью Потапыча сделал небольшие ямки, в которые запрятал средние стандартные накопители и деревянные пластинки с рунами. В центре фигуры находился серебряный диск, на котором я начертил координаты демонического плана. После того, как вся подготовка была закончена, мне стало значительно легче. Скорее всего, подсказку мне дала интуиция. Но что бы это ни было, это дало нам возможность выжить и победить.

Герцогиня устало откинулась в кресле, прокручивая в памяти все перипетии переговоров с этим мальчиком... хотя нет, каким мальчиком! Мужчиной, пусть и очень молодым. Он произвёл на неё впечатление ещё зимой, когда заезжал по пути к барону Тодту. Сильный, целеустремлённый и чрезвычайно умный для своих лет, он подкупил сердце старой женщины отнюдь не этим, а своим отношением к девочкам. Пожалуй, он единственный, кто относился к ним как к равным, не пытаясь унижить близнецов за их неодарённость. Даже её дети и то относились к девочкам хуже.

Да уж, дети. Дети стали неизбывной болью старой герцогини. Теперь, уже на исходе жизни, она могла признаться себе, что в бедах, которые постигли род Люксембург, виновата именно она. Она пошла на преступление для того, чтобы возглавить род Люксембург, она согласилась на жертву милейшего Шарля, который заключил с ней неравноправный брак и умер меньше чем через два года после этого. Да, он был болен, неизлечимо болен, но с этой болезнью одарённые могут жить десятки лет. Она же обрадовалась возможности увеличить свой резерв и даже не подумала отговаривать Шарля от этого брака. Вот и получила: старший сын превратился в чудовище, а младший, сын Шарля, сразу после совершеннолетия, на алтаре Аполлона поклялся, что посвятит всего себя науке и не будет главой рода Люксембург. И в зависти старшего сына к младшему виновата только она. Видя в нём продолжение Шарля, она уделяла младшему сыну значительно больше внимания и любви.

Так что неодарённость девочек она приняла как расплату за свои грехи и уже давно присматривалась, кто из дальних родственников после смерти герцога наденет корону. Так и жила, вернее доживала, медленно угасая. Нет, она не планировала тихо уйти, оставив то чудовище, в которое превратился её старший сын, преспокойно занимать герцогский трон. Она жила надеждой, что в момент двенадцатилетия близнецов в них всё-таки проснётся магия и тогда планировала погибнуть, забрав с собой и герцога.

И вот теперь этот мал... мужчина вернул ей жажду жизни. То что её сын не просто превратился в чудовище, а призвал демона, несколько не расстроило герцогиню – больше, чем сын её уже ранил, поразить было невозможно. Наоборот, она почувствовала прилив сил: всё-таки одно дело – убить собственного сына, и совсем другое – сразиться с демоном. Она не задавалась вопросом, откуда у этого Риваса столько знаний о демонах, она приняла это как факт.

Именно за возвращение смысла жизни она была готова отдать всё, что просил первородный Ривас. Тем более что просил он не так уж много, вернее ничего не просил. Герцогиня уже раскаивалась в меркантильности, проявленной ею при разговоре – надо же, дружеский договор она ему предложила! Да за то, что он уже сделал, и в вассалы пойти не зазорно! Впрочем, если она правильно поняла отношение девочек к этому Сержу, они обе с радостью променяют герцогскую корону на место подле него. Может быть, это и есть истинная расплата за то, что она натворила – видеть, как её внучки делают противоположный, чем она, выбор и становятся счастливыми? Что ж, если они будут счастливы, она с благодарностью примет это наказание. А её дело, если, конечно, она переживёт битву с демоном, помочь Сержу Ривасу стать весомым игроком на политическом поле.

* * *

Мы собрались в зале алтарного камня рода Люксембург. Мы – это я, высокородная Элизабет, высокородный Себастьян, ну и Потапыч тоже присутствовал, оставаясь невидимым для всех, кроме меня. Оба ручающихся прикоснулись правыми руками к камню и произнесли слова поручительства. После этого подошёл я. Прикоснулся к камню рядом с поручителями, и мы стали ждать отклика камня. Вдруг раздались шаги. Через пару секунд в зал вошёл герцог. Куда подевался очаровательный благообразный господин, запомнившийся мне по помолвке Марии? Перед нами стоял всклокоченный растрёпанный человек с дрожащими руками и чёрными провалами вместо глаз. Налицо были все признаки, что прислужник вселился в свою марионетку. Оглядевшись, герцог заговорил. Голос также претерпел значительные изменения – стал визгливым и скрипучим, как несмазанное колесо:

– И что у нас здесь происходит? Какой такой ритуал без ведома главы рода? А может быть, вам и глава совсем уже не нужен? Может быть, вы хотите нового главу назначить? И куда вы задевали моих милых деточек? Почему они не с вами?

В этот момент я почувствовал отклик алтарного камня. Убрав свою руку (Люксембурги убрали свои сразу же, как только увидели герцога, и встали между мной и ним), я сломал покрытую рунами щепку в своём кармане, подав тем самым условный сигнал близняшкам. После этого я повернулся к камню. Герцог всё ещё задавал идиотские вопросы, а я взрезал свою ладонь, окропил

камень кровью и произнёс:

– По праву чести и рода, по праву крови и жизни, по праву разума и магии взываю покарать отступника, нарушившего обязательства перед родом! – и ударил ладонями о камень. Тот взорвался снопом искр. Всё, первый этап пройден. Теперь родовая магия не придёт на помощь герцогу в схватке с членами его рода и мною.

Почему данную просьбу к магии должен был озвучить я? Элементарно...
Высокородные Элизабет и Себастьян приносили герцогу клятву как члены рода, а я – нет.

Герцог сразу почувствовал неладное. Прервавшись на полуслове, он простёр руки к алтарному камню:

– Взываю к магии рода! Да покарает она отступников!

Что характерно, замерли все, даже я, хотя ко мне это воззвание вообще не имело никакого отношения. В зале повисла тишина, прерванная опять же герцогом. Грязно выругавшись, он выхватил палочку и прокричал: «Gar!» Из палочки вылетел луч бледно-сиреневого цвета. Люксембурги бросились врассыпную, я же попросту пригнулся, и луч прошёл над моей головой. Дойдя до стены, он без каких-либо внешних эффектов погас.

Теперь, после прямого нападения, Люксембурги уже не боялись в свою очередь атаковать главу своего рода. В герцога полетели лучи их заклинаний. Однако тот выставил вперёд левую руку, и эти лучи бессильно погасли во вспыхнувшей на миг радужной плёнке защиты. Сам же герцог, к моему ужасу, направил удар против моего «засадного полка» – Потапыча. Вскинув палочку, он одновременно с выстраиванием защиты против заклинаний родичей начертил ею сложный узор и почти прокричал:

– Мой дом! Моя власть! Моя сила! Моя воля! – произнеся тем самым ритуальные слова отсекающего домового от магии дома. Не сказать, что для домового это смертельно, и, более того, такое отсечение действует недолго, но из этого боя Потапыч был исключен. Старая герцогиня и младший брат герцога, воспользовавшись этой паузой, разбежались в разные углы зала, намереваясь ударить с двух сторон, чтобы герцогу было веселее уворачиваться или ставить

щиты. Я же присел за алтарный камень и прильнул к нему. В данный момент я, к сожалению, ничем не мог помочь в битве с герцогом.

Исключив Потапыча, герцог уделил своё благосклонное внимание двум другим противникам. Он прошёл почти в центр зала и встал в явно картинную позу, выставив вперёд правую ногу и гордо закинув голову. После этого он за весь бой так и не двинулся с места. Левую руку он всё так же держал перед собой, отбивая атаки, а в правой сжимал палочку, время от времени посылая сгустки плазмы – даже не столько пытался поразить мать и брата, сколько не давал им зайти за спину. Я же с самого начала был им признан не стоящим усилий по нейтрализации. Не скажу, что это мнение я, к сожалению, не разделял. Хотя... Ведь магия демонов противоположна астральной! Подавив желание тут же внести свою лепту в битву, я постарался отползти за спину герцога, но вот атаковать его не спешил, понимая, что у меня будет всего лишь один шанс.

Герцогиня и Себастьян атаковали синхронно с разных сторон. Они оба использовали заклинание *spurcitia*, внешним выражением которого были яркие, сияющие лучи света.

Лучи и сгустки метались по залу. Попадая в стены, пол и потолок, лучи рассыпались искрами, а сгустки взрывались, выбивая каменную крошку.

Было видно, что герцог развлекается со своими противниками как кошка с мышкой, но это сыграло с ним дурную шутку.

Высокородный Себастьян отошёл под прикрытие своей матери и начал готовить какое-то особенно сильное заклинание. Герцог не обратил на это никакого внимания. Вдруг по сигналу сына высокородная Элизабет отскочила в сторону, а высокородный Себастьян припал на одно колено и выкрикнул: «*Ignine!*» Из палочки вырвался сгусток золотого огня. Щит, выставленный герцогом, в этот раз несколько не помог. Шар попал в герцога и взорвался. Тот издал душераздирающий крик, исполненный муки, и упал.

В зале установилась тишина. Люксембурги опустили палочки, но вдруг герцог поднялся. Но в каком виде! Выше пояса его тело представляло собой тёмно-красную броню, усыпанную шипами. Четырёхпалые руки заканчивались огромными когтями. На вытянутой вперёд морде громадные зубы не умещались во рту. Венчали голову два изогнутых небольших рога. И это существо было зло.

Очень зло!

Герцог открыл рот, из которого вылетел чёрный сгусток. Сгусток попал в правую руку высокородного Себастьяна, и рука загорелась. Высокородный упал и стал кататься по полу, пытаясь сбить пламя. Вскоре он затих, потеряв сознание от боли.

Существо же тем временем принялось за герцогиню. Высокородная Элизабет с неожиданным проворством уворачивалась от пламенных шаров, которые прислужник запускал в её направлении с обеих рук. К сожалению, эта игра в одни ворота долго продолжаться не могла, и один из шаров всё-таки попал в неё. Раздался треск, герцогиня вскрикнула и упала на пол, по стечению обстоятельств – совсем рядом со своим сыном.

Герцог, вернее то, во что он превратился, захохотал и вскинул руки с явным намерением добить обоих своих противников. И в этот миг в зале раздался звук лопнувшей струны. Всё, близняшки уже выехали за пределы зоны влияния демонского прислужника. Наконец-то! А то я уже грешным делом думал, что сигнал не прошёл. Забегая вперёд, хочу заметить, что, как я вычислил позднее, с момента подачи сигнала до момента выхода близняшек из зоны влияния прислужника прошло всего шесть минут.

Ощувив отсутствие якорей, прислужник взревел, затем изогнулся назад, причём верхняя половина туловища вытянулась параллельно полу. Из его рта вырвался столб пламени. Скорее всего, он решил сформировать поисковую форму, которая должна была найти, схватить и привести обратно якоря.

Я не знал времени формирования поисковой формы, но явно недолго. Моё воздействие для покрытой прочным панцирем боевой формы прислужника будет неощутимо. Ритуал изгнания я активировал ещё во время боя, теперь оставалось лишь загнать прислужника в середину созданной мною фигуры. Но как это сделать? Оба Люксембурга валялись изломанными куклами, причём от Себастьяна ещё шёл дымок в том месте, где в него попал плевок прислужника. Сам я вряд ли на что-то способен. Если только...

Я вытащил из кармана мину. Да-да, ту самую мину на кикимору, которая мне не пригодилась в Кобленце. Мины девочек я уничтожил, а про свою попросту забыл. Как хорошо, что у меня всего одна куртка, хоть как-то защищающая от ударов

и заклинаний! От кикиморы, правда, она совсем не помогла.

Мои размышления заняли всего считанные мгновения. За это время пламя, извергаемое прислужником, стало опадать, и всё отчётливее проглядывали контуры каких-то не то птиц, не то ящериц с крыльями. Счёт шёл на секунды.

Размахнувшись, я кинул мину прямо в прислужника. Да, пробить панцирь моей миной было невозможно. Но вот у его поисковиков духовная составляющая должна быть очень значительна. Да и раскрыться в месте их формирования он был попросту обязан. Так что взрыв мог и нанести раны прислужнику, и уничтожить поисковиков. Я сорвался с места и побежал, с расчётом встать так, чтобы между прислужником и мной оказался круг изгнания.

Расчёт был следующим: потеряв, временно или полностью, поисковиков, прислужник тем самым потеряет и возможность найти близняшек, поскольку его возможности поиска очень ограничены во времени. Он явно не принадлежит к высоким кругам, а, как я помнил из лекции, слышанной ещё графом Ашениаси, даже прислужник тринадцатого круга может взять след своего якоря не позднее чем через десять минут после разрыва связи. Так вот, увидев живого и невредимого меня – причину своей неудачи, прислужник должен броситься ко мне и для мести, и для изготовления из меня жертвы своему господину. То есть бить дальними атаками он не будет. План хиленький, но уж какой есть.

Моя мина исчезла внутри пламени и... не взорвалась. Уже больше от отчаяния, нежели с каким-то дальним расчётом, я выпустил в прислужника ледяную глыбу (кусочек люда диаметром сантиметров пять). Уж не знаю, что произошло внутри пламени прислужника, но вдруг оттуда абсолютно беззвучно стали вылетать куски какой-то белой субстанции и, попадая на пол, стены и потолок, расплываться по ним бесформенными кляксами. От этих ошмётков исходил ужасающий смрад, заставивший меня попрощаться с моим завтраком.

Прислужник снова взревел, но внезапно этот рёв сменился хрипом, тело герцога упало на пол. Упав, оно взорвалось фонтаном той же белой субстанции. Смрад усилился, хотя за секунду до этого я мог поклясться, что это невозможно. От него становилось невозможно дышать, слезились глаза и накатывала слабость.

Фонтан опал, и на его месте оказалось существо, состоящее, казалось, из одних костей и кожи. Короткие ноги и туловище, голова напоминала крокодилю, руки

волочились по земле. Высотой существо было менее метра.

Я всё ещё стоял согнувшись, не в силах справиться с этой вонью. Существо посмотрело в мою сторону, и в его глазах полыхнуло алое пламя. Прислужник поковылял ко мне, к моему ужасу, аккуратно обходя нарисованный мною пятиугольник. Бежать мне было некуда, резерв пуст, атакующих артефактов нет, а защитные вряд ли особо затруднят этого монстра.

Я вытащил нож и выставил его перед собой. Нож ходил из стороны в сторону, состояние моё всё ухудшалось.

Увидев нож, существо в первый миг остановилось и вдруг расхохоталось гулким громким смехом, никак не вяжущимся с его тщедушным телом. Именно этот момент выбрал для атаки Потапыч. Лишённый возможности обратиться к магии, он ринулся к существу и врезался в него, стремясь затолкнуть монстра внутрь пятиугольника.

Нет, скорее всего, у домового ничего бы не получилось. Однако, на счастье, монстр именно в этот момент, всё ещё хохоча, наступил на одну из куч той самой субстанции, из которой он возник. Оказалось, что по каменному полу на ней можно скользить не хуже, чем по льду. Нелепо взмахнув руками, существо грохнулось на спину и заскользило прямо в центр нарисованного мной пятиугольника.

Вся фигура вспыхнула нестерпимо ярким светом. Существо издало вой, наполненный злобой. Постепенно вой стал перекрываться всё более громким звоном. Наконец, свет погас, и в тот же миг утих и звон.

Я без сил опустился на колени. Нож звякнул о камни, выпав из моей руки.

Выносил меня и обоих Люксембургов из зала Потапыч, к которому со смертью твари вернулись все силы. Он же и привёл зал в порядок. К моей радости и даже некоторому удивлению, все пять накопителей оказались исправными. Потапыч даже сам, по собственной инициативе, вновь наполнил их энергией.

В качестве трофея мне достался рог твари.

Прочие же итоги нашей эскапады оказались таковы. Новый регент рода, высокородный Себастьян (становиться герцогом он отказался наотрез) в сражении лишился правой руки до локтя. Герцогиня же отделалась «всего лишь» глубокими ожогами всей левой половины тела. Впрочем, несмотря на то, что выглядели её раны ужасающе, в них не было ничего такого, что нельзя было бы исправить хорошему целителю. Близняшки вернули себе магические способности и на радостях устроили магический выброс на двоих прямо в карете. Итог – карета, защищённая множеством заклинаний, не подлежит восстановлению, тётушка Бра отделалась несколькими синяками, вовремя выскочив оттуда, как только почувствовала, как вокруг близняшек закручивается воздух. Кучер и оба сопровождающих, не среагировавшие вовремя, получили более серьёзные повреждения: кто сломанные ноги, кто – раздробленную челюсть. Пострадало и несколько простых граждан. Ну, и окна в близлежащих домах выбило. Сами близняшки получили абсолютно одинаковый резерв – три целых, три десятых единицы.

* * *

Вечером я уезжал из Люксембурга. Дальше откладывать отъезд было нельзя – солнечный ритуал следовало провести в шесть утра. Приведя себя в относительный порядок, я направился в комнаты старой герцогини. Пропустили меня без малейших задержек.

– Обязательства вынуждают меня покинуть вас. Мне нужна ваша помощь для снятия статуса посвящённого родовой магии.

– Не надо, не сейчас. Я верю, что ты сделаешь это по первой просьбе.

Я только поклонился.

– Ну что ж, тогда я попрощаюсь с близнецами и отправлюсь в дорогу.

– Подай мне, пожалуйста, шкатулку из левого ящика туалетного столика.

Я выполнил её просьбу. Шкатулка была изукрашена затейливой резьбой, но я нигде не обнаружил замочной скважины. Передав шкатулку герцогине, я наблюдал, как та нажала пальцами на какие-то узоры, страдальчески

поморщившись при этом.

Шкатулка распахнулась. Герцогиня достала оттуда свёрнутую в трубочку бумагу и подала мне. Принимая бумагу, я обратил внимание на ранки на подушечках больших пальцев герцогини – тех, которыми она нажимала на шкатулку.

На переданной мне бумаге был целый список имён. Напротив каждого была краткая характеристика, как я понял, возможностей этого человека. Все эти люди занимали различные посты в государственной системе Белопайса. Она что, отдала мне список своей агентуры? Увидев понимание и изумление на моём лице, герцогиня сказала:

– Если тебе понадобится такой же документ по другим странам, тебе достаточно просто намекнуть мне об этом.

– Это... слишком щедрое предложение.

– Это абсолютное ничто по сравнению с тем, что ты сделал для рода Люксембург.

Я кивнул и положил бумагу во внутренний карман. Герцогиня наблюдала за мной с улыбкой:

– Счастливого пути, Серж Ривас. Отправляйся. Знай, что во дворце Люксембург ты всегда найдёшь самых преданных тебе людей.

– Благодарю, герцогиня.

Прощание с близняшками вышло мокрым. В конце концов мне было заявлено, что если я не появлюсь до их дня рождения, то они сами меня на него притащат. На этой оптимистической ноте меня наконец отпустили.

После близнецов я завернул к высокородной Стелле. Дверь в её комнаты мне открыла Астра. Обменявшись с ней кивком, я проследовал внутрь. Высокородная Стелла сидела в кресле в глубине комнаты. Было видно, что известие о произошедшем вчера сильно подействовало на неё. И так не очень-то весёлая и жизнерадостная, она осунулась и съёжилась. Возможно, мне стало бы её

жалко, если бы не мысль о том, что за весь вчерашний и начало сегодняшнего дня она ни разу не вспомнила о своих детях.

Пройдя на середину комнаты, я поклонился.

– Высокородная Стелла, к сожалению, я вынужден откланяться. Дела рода требуют моего присутствия в маркизатстве Ипр.

Она подняла на меня глаза.

– Дела рода, – произнесла она с горькой усмешкой. – А вот у меня закончились все дела рода.

Я промолчал в ответ.

– Иди, Серж Ривас, и благодари богов, что тебе никогда не придётся быть на моём месте – месте выкинутого из дел рода.

Я поклонился и вышел. Высокородный Себастьян в настоящее время находился в больнице Мюнхена, поэтому прощаться с ним не пришлось.

Продвигаясь к порталу, я всё думал: как сказать близнецам, да и прочим членам рода Люксембург, что у обеих я чётко увидел канал на демонический план?

Уже ночью, покачиваясь в карете, я неожиданно понял, что же вызвало взрыв твари.

– Итак, студиозы, – профессор Кин поставил на стол руну изгнания, состоящую из постоянно движущегося песка. Создавалось впечатление, что кто-то отлил из стекла руну, заполнил её песком и заставил песчинки хаотично перемещаться внутри. – Кто из вас скажет, каково назначение данного предмета?

Первой подняла руку Поханна, наша отличница с личиком куклы и каналом на план смерти:

- Это оружие против демонов, профессор.

- И как же оно действует?

- Общеизвестно, что демонический план входит в число планов следующих сущностей: божественный, астральный, природный демонический, духовный, химерический. Противоположным планом для плана демонов является астральный план. Но вот оружием демонам служат огонь и вода. Поэтому, если скрепить песок, являющийся соединением земли и воздуха, астральной энергией и придать конструкции вид руны изгнания, можно изгнать прислужника гораздо легче, чем магу, изгоняющему его.

- А если использовать вместо песка другие энергии?

- Чистого изгнания не получится, произойдёт разрушение окружающей прислужника оболочки, и он предстанет перед нами, так сказать, в перводанном виде. А в этом виде он уязвим для любой магии и сам магию может применять очень ограниченно.

Ну, конечно же! Руна обращения к астралу и руна изгнания были на моей mine. Про энергию астрала я вспомнил ещё там, на поле боя. А прибавив к ним энергию воды и огня, я добился именно разрушения внешней оболочки прислужника.

Глава 3

Кузьмич ждал в моих комнатах.

- Ну наконец-то, а то я уже думал, что и этот ритуал мне самому проводить придётся, - ворчливо заявил он.

- Как будто ты не вызвал Потапыча и не расспросил его обо всём.

- Да... Потапыч... Кто бы мог подумать! Обчество решило всех молчальников – ну, тех, кто давно о себе вестей не подавал, – проверить. Может быть, ещё подобные случаи обнаружатся. Ты сам-то когда к костерку собираешься?

- Не сейчас точно. Надо хотя бы первой инициации дожждаться.

- И правильно, и нечего тебе там делать пока, – горячо поддержал меня домовой.

Я покивал ему, но вдруг в голову пришло смутное подозрение – а не слишком ли рьяно Кузьмич меня поддержал?

- Стоп, Кузьмич, что-то ты темнишь. Это почему мне сейчас не надо к вашему костру?

- Ну что ж ты будешь делать! А просто на слово ты мне не поверишь?

- Почему же, поверю. И действительно пока никуда не собираюсь. Вот только мне жуть как интересно, а какие у тебя резоны меня туда не пускать?

- Да помощи с тебя просить хотят. Чтобы ты таких вот проклятых на чистую воду выводил. А я считаю, что рано тебе.

- И платить за работу они явно не хотят.

- Вот-вот, и я об этом же, – Кузьмич вдруг осёкся и посмотрел на меня... с опаской? – Ты что, и мысли мои читать могёшь?

- Да что ты, даже у дураков мысли сходятся, а у умных и того чаще.

- Ну, да, – но подозрение полностью из его глаз не ушло.

- Хочешь, поклянусь?

Домовой ощутимо выдохнул и расслабился.

- Не надо, верю. Но напугал ты меня изрядно.

- В общем, ты пока цену набивай, и никаких твёрдых обещаний. А там посмотрим.

- Правильно. Я так же думаю, - кивнул Кузьмич. - Ладно, пойду я. А ты подходи в зал памяти к шести утра. Не забудь только взять то, что положено.

- Стоп, а где потребное для ритуала? - я вспомнил, что родовитого Этьена уже нет, он проводит аналогичный ритуал.

- Готово всё ужю. Ты Филиппа своего кликни, он тебе всё и доставит.

- Постой, Кузьмич, ещё один вопрос...

Домовой тяжко вздохнул и поплёлся обратно к креслу.

- Опять твой вопрос под конец разговора? А то я уж обрадовался, что ты ничего такого в этот раз не придумал. Ну, давай.

- Скажи, а сколько у рода Ривас вассалов и чем они занимаются?

- Ну, это просто. В вассалах у тебя шесть родов и две семьи. А чем занимаются... ну, тут так сразу и не расскажешь. Неинтересно мне это было. Так... что где случайно услышишь. Род Брандо зданиями и денежными вкладами распоряжается. Ну, и торговля энергией тоже через них проходит. И в Лондоне, и в Брюсселе, и здесь, в Ипре, их представители сидят. Род Лантье земельными угодьями распоряжаются. Какие в аренду фермерам сдают, какие сами обрабатывают. Да и переработка выращенного тоже на них. Род Леман издревле охраной и разведкой в пользу рода Ривас занимается. Род Давиньон занимается рыбным промыслом, налог сюзерену платит исправно. Род Борде - также отдельно, в Антверпене сидят, артефакты делают. Род Тома... про тех давно не слышно, раньше знатные оружейники были, а сейчас... может, и вымерли все уже. Семья Мерсье - чиновники, помогают Брандо. Ну, и последние - семья Верхарн. Про них ничего, кроме имени, не знаю.

Я поблагодарил Кузьмича за информацию, и тот ушёл. Конечно, вопросов к нему осталось ещё множество, но пора было уже готовиться к ритуалу.

Сам ритуал прошёл обыденно: то же путешествие по серым путям, приношение, впервые осуществлённое мной лично (воздух восьми ветров), руна воздуха, появившаяся на несколько секунд над алтарным камнем. А вот последствия ритуала меня в первый момент напугали. На выходе из серых путей меня скрутило от боли. Болело не так, как во время выбросов вне замка Ипр, но очень близко к этому. Приступ закончился так же неожиданно, как и начался. Я огляделся и обнаружил себя лежащим на полу, под головой у меня находилось что-то мягкое, как оказалось – свёрнутое покрывало. Кузьмич сидел рядом и протягивал мне стакан:

– Ты попей, легче станет. Вот голова моя садовая, совсем и забыл про это.

– Про что?

– Да весенний-то ритуал проводил я, вот тебе одновременно две энергии и досталось. Надо ж было тебя сначала сводить к алтарному камню, чтобы сначала воду в себе закрепил, а уже потом с воздухом лезть, а я, дурак, запамятовал про это. Ну, дык, такого случая у меня и не было никогда, вот и запамятовал. Да и волновался за тебя. Ну как, полегчало?

– Вроде да. – Я с некоторым сомнением подвигал руками, ногами и головой. Боль уже ушла, в теле стала появляться какая-то лёгкость, и главное, совершенно ушёл голод. Я не преминул спросить об этом Кузьмича.

– Дык, понятное дело. Ты ж энергии хватанул, какая тебе еда. Так что иди, отдыхай. Еда тебе до вечера не понадобится.

Попрощавшись с Кузьмичом, я ушёл спать.

* * *

Вечером родовитый Этьен в целом подтвердил информацию Кузьмича. Единственное, он добавил, что род Тома не исчез, а переехал как раз в Скандинавию, где занимается металлургией, а Верхарны – аптекари.

Очевидно, предвидя мой следующий вопрос, де-Брандо сказал:

– Что же касается того, почему вашу охрану за пределами замка Ипр осуществляет не род Леман, то объяснение тут простое: ни я, ни Мария не доверяем им настолько сильно.

Признаюсь, это заявление после разговора с Марией не стало для меня неожиданностью, но у меня просто в голове не укладывалось, как это не доверять вассалу! Он же по определению не может нанести вреда сюзерену.

На мой прямой вопрос управляющий почесал в затылке:

– Сказать, что они чем-то заслужили недоверие, нельзя. Только вот требовать с них дополнительных обязательств к тем, что они принесли как вассальный род, значит их обидеть, а сами эти обязательства в настоящий момент потеряли силу.

– Это как?!

– В их вассальной клятве есть дополнительный пункт, что подтверждается она каждый раз при смене главы рода Ривас. И подтверждается на алтарном камне рода.

– То есть фактически они сейчас не являются вассалами рода?

– Фактически да.

– Бред.

– Что вы сказали, первородный?

Вместо ответа я подошёл к стене и позвал Кузьмича. Тот появился не сразу и обставил своё появление с подлинной театральностью: двери кабинета управляющего сами собой распахнулись, и в комнату восшествовал, иначе это не назовёшь, Кузьмич. Дойдя до кресла, он уселся на сиденье и, лишь слегка повернув ко мне голову, спросил:

– Зачем звал?

– Кузьмич, а попроще можно?

Не меняя позы и по-прежнему не оборачиваясь ко мне, тот произнёс:

– Ну, не знаю, как ты, а я свой статус берегу. Ежели меня позвали, то и обращайтесь со всем вежеством, а то я и обидеться могу.

– Со всем вежеством – не буду. В конце концов, это на тебе мой знак, а не на мне – твой, – данный аргумент пришёл мне в голову по наитию, но, очевидно, подействовал: плечи домового поникли. Однако прежде, чем он успел изменить позу, я повторил: – Со всем вежеством не буду, но покрасоваться перед де-Брандо можешь.

Кузьмич приободрился и вновь расправил плечи. Я же только потом сообразил, какой ямы избежал. Одно дело, сама возможность говорить с домовыми, это в общем-то случаи известные... в истории. И совсем другое – разговор с домовым с позиции главного. Управляющий и так смотрел на меня как на Деда Мороза, а после такого мог и в ноги кинуться... для вымаливания родовой магии. Это было как объезд препятствия, которого ещё не видишь, и только после того, как объехал, умом понимаешь, какой опасности избежал. Но надо было возвращаться к разговору. Поклонившись домовому, я спросил:

– Скажи, Кузьмич, а ты вассалов рода Ривас ощущаешь?

– В доме – ощущаю, а как же. Они же с магией рода связаны.

– А домовые этих родов и семей тебе подчиняются?

– Пока – нет. Вот ты в полную силу войдёшь и возложишь длани на алтарный камень, тогда, пока ты жив, у меня как носителя твоего знака будет некоторая власть над ними, – Кузьмич ещё больше приосанился, хотя куда уж больше.

– А у рода Леман какие особенности вассальной клятвы?

– Ну, они кроме клятвы вассала рода ещё и клятву личного вассалитета приносят.

– И что это даёт?

– Да ничего не даёт. Вот восхотелось так. А кому восхотелось – твоим предкам али тем, – и позабылось ужю.

– То есть то, что они сейчас не принесли мне клятву личного вассалитета, никак не влияет на их статус вассалов рода Ривас?

– Да как же это может влиять! – Кузьмич даже вышел из роли и повернулся ко мне всем корпусом.

– Да вот родовитый Этьен утверждает обратное и именно поэтому не доверяет им мою охрану. Я и засомневался.

Домовой повернулся и посмотрел на управляющего. Под этим взглядом тот заёрзал в кресле. Добившись эффекта, домовой покрутил пальцами у виска и исчез с громким хлопком. Выпендрёжник.

В кабинете воцарилось молчание, которое первым нарушил управляющий:

– Как я понимаю, опасения вашего опекуна сильно преувеличены?

Вот жук, уже так плавно переводит стрелки на Марию.

– Домовой подтвердил, что ваши догадки о смысле дополнительной клятвы рода Леман беспочвенны, – вот теперь пусть гадает, это «вы» относится лично у нему или к ним с Марией.

– Что ж, в таком случае на приёме в гостевом доме замка Ривас в субботу, третьего июня, можно будет объявить о переходе всей охраны маркиза Ипрского в руки рода Леман.

– Как зовут нынешнего главу рода Леман?

– Родовитый Люк.

– Замечательно. Я бы хотел, если это возможно, переговорить с родовитым Люком до приёма, наедине.

– Слушаюсь, первородный Серж.

* * *

В течение следующего дня приехали почти все вассалы. Почти, потому что семья Верхарн должна была приехать в субботу, а от рода Тома пришло только письмо с извинениями, что они не смогут исполнить свои обязанности вассала надлежащим образом. Для управляющего это письмо явно не стало сюрпризом. Я решил выяснить, в чём дело.

– Первородный, уверяю вас, что никакого неуважения род Тома не проявляет. А подробности – давайте отложим данный разговор до какого-нибудь длинного, унылого, холодного вечера у камина. Всё равно до своего шестнадцатилетия вы не сможете решить данную проблему. А налоги род Тома платит исправно и полностью, не то что некоторые...

Кто такие эти «некоторые», я выяснять не стал – сначала надо хотя бы с собственными вооружёнными силами и разведкой разобраться. Кстати, не дело, что эти два важнейших направления курирует один и тот же род. Может быть, стоит создать им конкурента? К примеру, из рода Борде. Артефакторы по определению должны знать толк в охране и промышленном шпионаже.

Вечером второго июня я пригласил к себе Жульена Борде. Это глубокий старик, поддерживающий себя исключительно магией. Однако даже она не позволяла ему обойтись без трости. Конечно же магия могла вернуть волосы на его абсолютно лысый череп и скрыть некоторые признаки старости, но родовитый Жульен пренебрег этими возможностями. Я понял, почему, посмотрев в его живые, внимательные глаза, ясно показывающие, что физическая немощь тщательно культивируется им для создания нужного эффекта. К счастью, мне удалось не показать своего понимания игры де-Борде. Что ж, первую проверку на должность начальника новой тайной службы рода Ривас он прошёл. Пойдём дальше. Мне необходимо было прежде всего самому понять этого человека:

можно ли иметь с ним дело, подходит ли он для далеко идущих целей, и, главное, оценить наличие и качество его источников информации как прообраза новой разведывательной службы рода Ривас. Однако разговора не получилось.

Для начала, чтобы прощупать собеседника, я завёл разговор об артефактах, способах их изготовления и материалах. Глава рода Борде говорил со мной свысока, как будто делал мне одолжение. Про себя я подсадовал, что не пригласил на этот разговор родовитого Этьена, но мне не хотелось, чтобы про мои планы кто-то преждевременно узнал, а управляющий, уже немного изучивший меня, мог и догадаться. В принципе, я сам виноват, слишком поспешил. Надо было разделить разговор на два: ознакомительный провести вместе с де-Брандо, а прощупывающий – уже в другой день и в одиночку. Но что толку посыпать голову пеплом? Всё равно, как говорится, первое впечатление можно произвести только один раз. Ладно, перейду к выяснению его информированности. Вот и подходящий момент для перевода темы:

– Вы абсолютно правы, родовитый Жульен, для амулета, предотвращающего подслушивание, очень важна не только непосредственно эта функция, но и определение, кто именно пытается подслушать. Кстати, насколько я помню, на отсутствие подобной функции в стандартных амулетах от подслушивания сетовал и герцог Гронинген, – почти правда, мы немного поговорили о подслушивании на награждении, – по-моему, очень разумный и искренне пекущийся о благополучии государства человек, вы не находите?

Реакция родовитого Жульена на эту невинную фразу была неожиданной для меня. Он резко поперхнулся воздухом, закашлялся, покраснелся и едва выдавил из себя:

– Вы абсолютно правы.

Я даже несколько забеспокоился:

– С вами всё в порядке?

– Да, благодарю вас, первородный, – глава рода Борде наконец отдышался и сел в кресле ровнее.

Что ж, продолжим. А если закинуть пробный шар?

– Скажите, вы ведь ехали в Ипр через Брюссель? Какие новости вы привезли оттуда?

Родовитый Жульен посмотрел на меня с настоящим ужасом. Вскочив и поклонившись, он забормотал что-то об ослабевшей с годами памяти, вытащил из внутреннего кармана сюртука футляр для депеш и с поклоном передал его мне. Я осмотрел футляр – ничего необычного, единственно, что запечатан он был печатью королевской канцелярии Белопайса. Подняв глаза, я с удивлением обнаружил, что родовитый Жульен, пятась и непрерывно кланяясь, уже подходит к двери кабинета. Встав и поклонившись, я отпустил его и вскрыл футляр. Внутри оказался свиток с королевским указом о даровании роду Борде титула баронов и поместья в провинции Гронинген. Отчасти реакция главы рода Борде стала понятна, но только отчасти. Ну что, идти сейчас или подождать до утра? Вздохнув – и так ведь понятно, что до утра меня любопытство съест, – я пошёл переодеваться. Уже открыв шкаф, я сообразил, что сегодня пятница и управляющий явно на вечере, устраиваемом его женой. Вздохнув ещё раз – показаться на вечере тем более надо, – я вместо обычного костюма стал натягивать смокинг.

Данный вечер, как оказалось, был посвящён театру, и гости разыгрывали сценки из классических пьес. Некоторые даже выглядели весьма недурно... на мой взгляд.

Пошатавшись по комнатам, я, наконец, якобы невзначай встретился с управляющим там, где нас никто не мог увидеть, и мы покинули данный вечер... на время. Дойдя до его кабинета, мы расслабились, и после нескольких реплик о погоде я начал выяснять мучившие меня вопросы:

– А почему все вассалы рода Ривас нетитулованные дворяне?

– Это не только у рода Ривас. В Белопайсе и Бритстане титулованных дворян может иметь в вассалах исключительно король.

– Я так понимаю, что это вовсе используется королями для уменьшения влияния высшей аристократии. Как удобно – дал кому-нибудь титул, и тот уже не вассал.

– Правильно, только ведь этот новый титулованный ещё и обязан королю. А почему вы спросили?

Я подал родовитому Этьену свиток, вручённый мне родовитым Жульеном Борде. Тому понадобилось всего несколько секунд, чтобы вникнуть в суть. После этого управляющий в гневе отбросил свиток на край стола:

– Собаки! Как денег просить на восстановление, так они первые прибежали, а как только дела у них пошли на лад, тут же эту бумажку подсовывают. И ведь что обидно, – продолжал возмущаться де-Брандо, – те деньги, которые род Ривас им предоставил, проходят не как кредиты, а как помощь вассалу.

– То есть мы их с этих мошенников ещё и взыскать не сможем?

Управляющий лишь печально покачал головой.

– Что ж, эту пилюлю придётся проглотить. А мы можем как-то узнать, кто протолкнул данное решение?

– Как кто? Естественно, герцог.

– Понимаете, родовитый, до настоящего момента я был уверен, что у меня с лоялистами пакт о ненападении до моего шестнадцатилетия. Вот мне и интересно – это нарушение данного пакта или просто случайность?

– Даже так? В таком случае беру обратно свои слова про то, что мы никак не можем их наказать.

Я с интересом воззрился на управляющего.

– Обычно, чтобы не ссориться с королевским домом, этого никто не делает, но в нашем случае будет абсолютно естественно, если мы в качестве ответного шага отберём теперь уже у баронов Борде права на их персональное клеймо, которым они отмечают все свои поделки.

– То есть деньги мы теряем, но ясно показываем, что игнорировать нас не стоит. Замечательно! Действуйте.

Улыбнувшись друг другу, мы синхронно кивнули. Управляющий уже стал подниматься из кресла, как вдруг замер и посмотрел на меня:

– Скажите, а откуда у вас этот свиток?

– Мне его лично передал родовитый Жульен. – Де-Брандо посмотрел на меня с выражением крайнего изумления на лице. – И почему это удивительно?

– Обычно такие вещи происходят публично, чтобы показать силу королевской власти... ну и чтобы лишить бывшего сюзерена возможности подготовить достойный ответ. А здесь родовитый Жульен дал нам возможность не ограничиться ритуальной фразой, расторгающей вассальный договор, а подготовить это расторжение по всем правилам. – Он посмотрел на меня и криво улыбнулся. – Я даже не буду спрашивать, что вы ему выкручивали для такого, – он указал на свиток, – результата.

Я решил его не разочаровывать. Коротко кивнув ему, я встал с кресла. Управляющий последовал моему примеру, и мы вернулись на театральный вечер.

* * *

Родовитый Люк де-Леман пришёл ко мне сразу после завтрака. Этот невысокий, худощавый мужчина лет сорока просто-таки излучал силу и уверенность в себе. Коротко поклонившись, он окинул кабинет коротким пристальным взглядом, хмыкнул каким-то своим мыслям и присел напротив.

– Признаюсь, первородный, вы меня несколько удивили. Никаких мер предосторожности?

– Нет, никаких.

– Ну, тогда не обижайтесь.

Самого движения, как и полёта ножа, я не увидел. Просто почувствовался лёгкий ветерок на левой щеке. Скопив глаза, я увидел небольшой метательный

нож, глубоко вошедший в спинку моего кресла совсем рядом. Сам же родовитый Люк, пока длилась моя растерянность, подступил вплотную ко мне с кинжалом.

Скажу честно, хоть я и был уверен в том, что вассал не может напасть на сюзерена, если сюзерен не дал ему повода для этого, но мурашки по спине прогулялись конкретно. Де-Леман что-то заметил в моих глазах и отстранился.

– Прошу прощения, первородный, – сказал он, правда, без малейшего следа раскаяния в голосе.

Миг – и кинжал исчез где-то в его одеждах. Один взмах рукой – и нож послушно вернулся к нему. Сам де-Леман снова как ни в чём не бывало сел в то же кресло. Стоп. Нож вернулся без использования палочки? Интересно... Отслеживающий мою реакцию родовитый Люк рассмеялся:

– Ваша выдержка делает вам честь, первородный. На самом деле всё просто. Этот нож привязан вот к этому артефакту, – он оголил запястье и показал широкий металлический браслет, – поэтому я могу вернуть его в любой момент.

Бездевушка – но только в том случае, если этой функцией данный браслет и ограничивается, во что я не верю.

– Что ж, родовитый Люк, перейдём к делу. Мне бы хотелось попросить вас предоставить в моё распоряжение шесть магов. Желательно, чтобы хотя бы один из них обладал реальным боевым опытом в схватках с нежитью.

– Вы собираетесь очистить земли маркизатства от нежити? – А скепис-то можно ложкой черпать... поварской.

– Нет, но мне приходится много перемещаться по дорогам в карете, и не всегда можно попросту укрыться, как от тех же виллис.

– Вы встречались с виллисами! – а он явно заинтересован, вон как глазки засверкали-то.

– Встречался. По счастью, нас не заметили, ну или были увлечены уже пойманной добычей.

– Вы правы, второе вернее, – глава рода Леман криво ухмыльнулся. – Что же касается вашей просьбы, то в моём отряде все маги имеют опыт реальных схваток.

– Отряде? Ваш род является отрядом по борьбе с нечистью? И где они получили опыт таких схваток? Ваше поместье осаждается нечистью?

– Немного не так, первородный. Род Леман является основой, костяком наёмного отряда по борьбе с различными угрозами для жителей. Правители отдельных земель или администрация провинций нанимает такие отряды для поддержания порядка на своей территории. Хотя здесь, на континенте, такое случается редко. Вот у нас на острове это очень распространённая практика.

– У вас на острове?

– Моё родовое поместье находится в Уэльсе, на территории Бритстана.

– Понятно, продолжайте.

– За каждым наёмным отрядом закрепляется определённая территория. Свидетельством качества выполнения работ считается уменьшение нападений диких животных, химер, магических существ, духов, нежити, неударённых или одарённых разбойников на население этой территории. Так что наёмники постоянно разъезжают по вверенному им участку и занимаются предотвращением нападений.

– А уничтожить все эти факторы полностью на какой-либо территории пробовали?

– Конечно, пробовали. В той части Оногурии, где сейчас мёртвые земли, как раз таки однажды всех и уничтожили. Магия там одичала, и испоганилась сама земля. Хорошо, хоть зараза не расплзается. Так что лучше пусть мы уничтожим не всех упырей, чем случится такое.

Это была очень интересная информация. По крайней мере, она была достойна того, чтобы её обдумать и сравнить со знаниями графа Ашениаси.

– Вы сказали, что на континенте такие отряды редкость. А кто следит за подобными вопросами здесь? Как это происходит?

– Не совсем так. На континенте обычно со всеми перечисленными мною угрозами тоже расправляются либо дружины владетелей, либо наёмники. Только здесь обычно не нанимают отряд на срок, а реагируют на уже совершённые нападения.

– Выражаясь аллегорически, на острове предпочитают давить паровозы, пока они чайники, а на континенте ждут, пока жареный петух в задницу не клюнет, так?

Несколько секунд родовитый Люк смотрел на меня с выпученными глазами и открытым ртом, а затем разразился громовым хохотом. Смеялся он довольно долго, причём пару раз явно пытался взять себя в руки, но это у него не получалось. Наконец, вытерев выступившие слёзы тонким кружевным платком и отдышавшись, произнёс:

– Да уж, первородный, давно я так не смеялся. – Покачал головой и добавил: – Великолепное и очень точное сравнение.

– А как обстоят дела с этим в маркизатстве?

– Здесь всё устроено на островной манер. И всё-таки, почему вы не боитесь, что мои люди на вас нападут?

– Потому что я уверен в прочности вашей вассальной клятвы.

– Разве вам не объяснили?

Я удивлённо воззрился на него. Он что, и в самом деле считает, что в настоящий момент не обладает правами и обязанностями вассала?

– Пытались объяснить, но я не поверил, – и, увидев, что ранее заинтересованно подавшийся ко мне родовитый слегка расслабился и посмотрел на меня с некоторым превосходством, добил его: – Кстати, имею для этого серьёзные основания.

В кабинете повисло молчание. Родовитый Люк смотрел на меня, всё больше... можно уже сказать, что свирепея. И вот когда он уже был готов вскочить и наброситься на меня, чтобы вытрясти информацию, я спросил:

– Скажите, родовитый, а кого из встречавшихся вам противников вы считаете самым опасным?

Из де-Лемана как будто выпустили воздух. Он осел в кресле и вдруг снова выпрямился, встал и глубоко поклонился мне:

– Благодарю за урок, первородный. Надеюсь, до вашего отъезда мы ещё увидимся.

После этого он ещё раз поклонился и вышел. Да уж, намёк он мне оставил самый прозрачный. Интересно, кого из своей родни он так не любит? Я посмотрел на кресло и хмыкнул про себя: «Пришёл, поломал хорошую вещь и ушёл». К счастью, пока повреждение свежее, его возможно исправить магией. Приложив руку к повреждению, я начал осторожно закачивать энергию, направляя её желанием. Через пару минут кресло выглядело как новое. И только после этого я сообразил, что не должен был самостоятельно исправлять это повреждение. Впрочем, на Земле для восстановления первоначального облика вещей существует специальное заклинание, кажется, *rangó*. Так что попросту сошлюсь на Марию, а Марии – на Кузьмича.

* * *

С утра в субботу приехали Мария и Георг. Судя по тому, что Мария сразу после приветствия постаралась исчезнуть с моих глаз, Астра передала ей мои слова. Впрочем, я не собирался проводить никаких воспитательных мер до разговора с Георгом и вне стен замка Тодт. Всё-таки Мария уже замужняя дама, поэтому наказывать её должен муж... если сочтёт нужным. Однако я был готов дойти даже до того, чтобы публично выразить своё несогласие с любыми словами Марии обо мне.

Семья Верхарн почти опоздала на приём. Как мне сказал Филипп, они прибыли где-то за сорок минут до его начала. Сообщая мне новость об их приезде, Филипп также передал письмо от главы данной семьи. В письме содержалась

помимо естественных славословий в мой адрес ещё и просьба о конфиденциальной встрече. Этому человеку явно удалось меня заинтересовать ещё до того, как я его увидел воочию.

Я не считался хозяином данного приёма, он по протоколу вообще не имел хозяина, поскольку на нем присутствовали лишь члены рода и его вассалы. Поэтому я был освобождён от тяжкой почётной обязанности встречать гостей. Однако поскольку де-Верхарн до приёма не был мне представлен, его подвёл ко мне родовитый Этьен сразу же, как только тот появился на приёме. Благородный Фридрих де-Верхарн оказался улыбающимся толстяком чуть ниже среднего роста, с длинными, абсолютно седыми волосами, убранными в хвост. От управляющего я знал, что ему почти семьдесят лет, но ни за что не дал бы благородному Фридриху больше пятидесяти. Одет он был весьма своеобразно, особенно для аптекаря, – костюм, больше подходящий какому-нибудь придворному галантного века, совершенно попугайских цветов. От обилия золота, камней и перьев рябило в глазах. Вслед за благородным Фридрихом, по обе стороны от него, шли, отстав ровно на два шага, женщины, одетые в скромные закрытые, простые платья с завышенной талией, без каких-либо украшений. У той, что шла слева, платье было нежно-голубое, у второй – салатового цвета. Обе выглядели никак не больше, чем на двадцать шесть – двадцать восемь лет.

После окончания процедуры представления де-Верхарн, не оборачиваясь, сделал приглашающий жест рукой и, когда женщины поравнялись с ним, произнёс, явно красуясь:

– Это мои жёны: Аннет и Селин.

Я был несколько удивлён, вживую увидев человека, который дважды рисковал своим резервом, но судя по тому, что он по-прежнему был более пятидесяти единиц, риск оправдался. Конечно, я не знал, какой резерв был до браков. Но вот гордость за себя благородного Фридриха была мне абсолютно понятна.

Мне бросилась в глаза одна деталь. На мизинцах Фридриха и его жён не было колец. Поэтому после ритуала обязательных фраз с де-Верхарном (жёны его, кстати, не произнесли ни слова) я обратился за разъяснениями к жене управляющего.

– Да, они супруги, но это не такой брак, какой был заключён между, к примеру, Георгом и Марией. Данный брак заключается не перед лицом богов, а перед лицом магии. – Родовитая Кларисса недовольно поджала губы и огляделась вокруг. Не увидев никого, кто мог бы ей помочь – Мария до сих пор пряталась от меня, а родовитый Этьен как раз завёл разговор с родовитым Жульеном, – она сказала: – Пойдёмте, первородный, присядем. Это не очень-то короткий разговор.

Разговор действительно получился не очень коротким, однако очень познавательным для меня.

Я наконец, смог полностью сложить все кусочки мозаики о взаимоотношениях мужчин и женщин на Земле в единую картину.

Глава 4

И так, на Земле существует сразу три типа связи между магами разного пола. Про брак перед лицом богов, как равноправный, так и неравноправный, мне уже рассказала Мария. Брак перед лицом магии изначально неравноправен. В него вступают одарённые, распределившие роли как ведущие и ведомые.

Расторжение такого брака не предусмотрено, однако ведущий может убить ведомого и даже получить часть его сил при этом. Преимуществом данного брака является то, что резерв всех вступающих в такую связь увеличивается быстрее, чем обычно, недостатком – ведущий в каких-то пределах может контролировать поступки, а то и мысли ведомого. К тому же ведомые живут меньше, чем одарённые, не обременённые такой связью. Хотя, если ведущий умирает по естественным причинам до смерти ведомого, срок жизни ведомого снова становится таким же, как и у других одарённых. Главное условие для заключения данного брака – резерв ведущего должен быть больше суммы резервов всех ведомых, вступивших в брак с этим ведущим.

И, наконец, третий вид – клятва служения. Участники данной связи называются господин и слуга. Чаще всего в данную связь вступают во время войны. Причиной является то, что господин может при желании пользоваться не только своими силами, но и силами своих слуг. Но и здесь есть ограничения. Если

совокупный резерв слуг составляет менее половины резерва господина, то развитие слуг останавливается, развитие господина замедляется. Максимально господин может иметь слуг с совокупным резервом, не более чем в два раза превышающим его собственный. Но если резерв слуг превышает резерв господина, то у всех участников связи начинается регресс силы. В других случаях прекращается развитие всех участников связи. Естественно, право слуги на собственные мысли и поступки ещё меньше, чем у ведомого. Ну, и срок жизни слуг при господине-маге исчисляется в лучшем случае тремя десятилетиями, а при госпоже-маге – годами.

Существуют легенды о какой-то гармоничной связи при клятве служения. Она якобы не имеет никаких ограничений, развитие господина и его слуг ускоряется, однако точные условия для неё неизвестны, и последний раз она встречалась тысячу лет, а то и больше назад.

Резерв одарённой немного увеличивается с каждым рождённым ребёнком (ну, это я уже знал).

Появившись снова в зале, где проходил приём, я неприятно поразился тому, как дружески болтала тётя Жаннетт с Марией. Впрочем, подходить я не стал. Во-первых, у них действительно могло быть много общих тем для разговора, а во-вторых, я не чувствовал себя достаточно в форме для того, чтобы участвовать в серьёзном разговоре с тётей, да ещё говорить и с благородным Фридрихом. Так что я решил лучше потом выпытать у Марии все подробности этого разговора. Так что, пошатавшись немного по залу и поговорив о погоде с несколькими вассалами, я решил, что исполнил свой долг перед гостями замка Ипр на сегодня, и ушёл.

В назначенный час в дверь небольшой гостевой комнаты двухэтажного здания комплекса гостевого дома замка Ипр постучались. Открыв дверь, я впустил благородного Фридриха. В этот раз он был один и одет гораздо скромнее. Я изначально хотел отдать инициативу в разговоре в руки де-Верхарну. В конце концов, инициатором беседы был именно он. Присев и немного помолчав, он кивнул каким-то своим мыслям и спросил:

– Первородный, известно ли вам о планах королевского дома Белопайса относительно вас?

– Нет.

– Что ж, в таком случае спешу сообщить, что королевский дом Белопайса желает поставить под свой контроль род Ривас, в идеале – полностью растворив род Ривас в королевском роде, ну или хотя бы добившись от вас вассальной присяги королевскому дому.

– Это очень рискованное заявление. Чем вы можете его подтвердить?

– Один из моих клиентов является кастеляном королевского дворца. Он принёс мне следующий документ, – благородный Фридрих жестом фокусника достал какой-то лист и протянул мне.

Я развернул бумагу и начал читать. Это была копия черновика королевского указа о том, что поскольку я, в связи с тяжёлыми травмами, полученными «при защите Родины», не в состоянии исполнять обязанности главы рода Ривас, а первородная Жаннетт Ривас «запятнала себя сотрудничеством с оккупантом», король, «который печётся о благе всех своих подданных», устанавливает опеку над родом Ривас и маркизатством Ипр.

Я не стал спрашивать у де-Верхарна ни о подлинности данных сведений, ни об их стоимости. Вместо этого я, глядя ему прямо в глаза, спросил:

– Почему я увидел данный документ только сейчас?

– Потому что только сейчас родовитый Нинбург отозвался о вас в самых восторженных тонах.

– Вы работаете на разведку Тхиудаланда?

– Я надеюсь работать на вас.

– Что ж, надеюсь, вы понимаете, что сейчас я не могу вам заплатить. – И, увидев, что де-Верхарн хочет что-то сказать, остановил его движением руки. – Я даже не смогу вам сейчас обещать, что когда-нибудь смогу активировать алтарный камень рода Верхарн. Однако если вы будете верно мне служить, я приложу все усилия к этому.

Всё, он получил от меня именно то, что хотел. Это было видно по его довольному лицу.

– Какие еще задания у вас ко мне будут, первородный?

– У меня не сложились отношения с младшим отпрыском рода Дуйсбург...

С торжествующей улыбкой де-Верхарн положил передо мной несколько скреплённых листов:

– Это краткая выжимка того, что мы смогли найти по роду Дуйсбург и по высокородному Ричарду Дуйсбургу конкретно. Также здесь и информация по роду Шварцвален.

– Благодарю вас, прекрасная работа. – Нет, я нисколько не сомневался в том, что Фридрих, зная Нинбурга, подготовит мне информацию об этих господах... и дамах, но надо же и своему личному шпиону приятное сделать. – Кроме того, ко мне проявил несколько... избыточный интерес высокородный Фриц Кобленц.

– Ого! Простите мою эмоциональность, первородный, но вот как раз он действительно прочно связан с тайной полицией Тхиудаланда.

– Вот оно что... Это многое объясняет. Впрочем, это не настолько срочное задание. Главное, не рискуйте понапрасну.

– Слушаюсь.

– Сколько вам нужно денег?

– Даже так? Простите, первородный, я жестоко в вас ошибался. Пожалуй, десять тысяч золотых сможет помочь наладить действительно качественную сеть в Белопайсе, западном Тхиудаланде и северо-восточной Галлии.

– Золото, бумаги?

Приятно видеть всё новые пределы изумления на этом лице.

- Пожалуй, всё-таки золото.

- Способ связи – блюдечко?

- Пожалуй, только если будет что-то действительно срочное. Бумаги можно передавать через моего внука – родовитого Поля Медоуза. Он по делам очень часто бывает в Льеже, и даже в Льежском университете никто не удивится его появлению – он занимается поставкой различных материалов для его лабораторий.

- Вы отъезжаете послезавтра?

- Уже завтра, первородный, – он с лёгкой улыбкой взглянул на часы.

- Хорошо. Тогда сегодня вечером вы получите список вопросов, на которые я бы хотел получить от вас ответы, и деньги. Я сообщу место и время встречи. Тогда же проведём ритуалы привязки блюдечек и принесения клятв.

- Очень разумно, первородный.

Я встал, вышел из-за стола и протянул руку. Пожатие благородного Фридриха было крепким и твёрдым.

Оставшись в одиночестве, я пошёл в свои комнаты, где принялся набрасывать на бумаге возможные направления деятельности новой разведслужбы. Вскоре мне пришлось взять второй листок, на котором я стал записывать свои мысли по поводу возни вокруг меня.

Мне всегда лучше думалось, когда основные тезисы изложены в письменном виде. Вот и в этот раз, только записав известную мне информацию о действиях политической элиты Белопайса, я сообразил, какова была подоплёка всех этих действий.

Мне действительно невероятно, сумасшедше повезло. Теперь я не сомневался в том, что дарование моему уже бывшему вассалу титула барона было сделано намеренно и с далеко идущими последствиями. Если бы я проглотил подобное, то эти интриганы из лоялистской партии всегда могли бы сказать, что

поддержали меня в тот момент именно в обмен на моего вассала. Я оказался бы в дерьме, а у них были бы развязаны руки для дальнейшего приведения меня в их подчинение.

Дав им ответную оплеуху, я не только и даже не столько поставил на место род Борде, сколько выставил подлецами лоялистов, которые сначала пообещали помощь, а потом решили нарушить своё обещание. И неважно, что громче всех в мою защиту будут кричать пробритстанцы. Главное, что следующие действия лоялистов против меня будут значительно... отложены по времени.

Конечно же вполне возможно, что данная операция имела ещё не одно измерение, но чтобы разгадать их, у меня было катастрофически мало информации.

Теперь о Кобленце. Вот что от бедного маленького меня потребовалось тайной полиции Тхиудаланда? Конечно же предполагать можно всякое, но предполагать и знать – абсолютно разные вещи.

Да и сам Верхарн... Пусть даже он и не работает на Тхиудаланд, но это абсолютно не означает, что он не работает на Галлию, Оногурию или тот же Бритстан.

И ведь я наверняка ещё и половины тех интриг и планов, которые закручиваются вокруг меня, не знаю! Взять хотя бы твёрдую уверенность герцогини Люксембург в том, что её помощь окажется весьма полезной в Верховной палате Священной империи. Я и о существовании-то такой узнал только от неё, не говоря уже о том, чем та занимается!

А я? Вот все вокруг имеют на меня какие-то планы, а у меня какие планы на меня? Как просто было графу Ашениаси! Вот у него была чёткая цель – поставить энергию доступных планов себе на службу. И ведь, несмотря на молодость и определённую неопытность, у него уже что-то даже получалось! По крайней мере, далеко не каждому студенту предлагают публикацию его дипломной работы в «Вестнике» университета! Да и жизнь у него была явно гораздо спокойнее. Всё-таки он не был главой одного из сорока четырёх первородных родов Европы.

А у меня, у маркиза Ипрского? Какая цель у меня? Если сначала была цель влиться в этот мир, то потом в какой-то момент я стал плыть по течению, совершенно бездумно, не обращая внимания на обстановку вокруг. Следует вспомнить, что я нахожусь не в комфортабельной Гиперборейской империи, где последний заговор против высшего руководства был уже так давно, что старики не упомнят, а открытая война между родами – и того раньше. И если ты хочешь всю жизнь тихо и мирно заниматься наукой, то никто тебя и не тронет, да и другим не позволит трогать.

Вздыхнув, я вновь взялся за перо и бумагу. И вот что у меня получилось в итоге.

Во-первых, в отличие от графа Ашениаси, Серж Ривас просто обязан заниматься большой политикой.

Во-вторых, в отличие от графа Ашениаси, Сержу Ривасу не нравится тот политический строй и та политическая ситуация, которые существуют в его стране.

В-третьих, в отличие от графа Ашениаси, у Сержа Риваса гораздо больше козырей, с помощью которых он может влиять на политическую обстановку в стране, в Европе и в мире.

В-четвёртых, Европе, а возможно, и весь мир в ближайшие годы или десятилетия ожидает большая война. Отсрочить её можно только снова открыв доступ на Грань.

В-пятых, Серж Ривас понимает, что дав человечеству счастье по принципу «и пусть никто не уйдёт обиженным», он добьётся обратного эффекта – все будут недовольны.

В-шестых, на Земле уже появились люди и не только люди, которых я считаю своими. И меня волнуют лишь они, а не абстрактное человечество.

Вывод. Мне необходимо собрать свою команду, которая станет отдельной стороной в грядущей войне. Цель – победить, то есть стать силой, которую вынуждены будут учитывать все игроки в своих раскладах. Средство – преобладающая мощь за счёт как моих знаний графа Ашениаси, так и всего того, что может мне предложить Земля. Мир после победы... Я не знаю, каким он

будет. Знаю точно, что если этот мир после меня будет не деградировать, а развиваться в магическом плане, я сочту, что победил, даже если моё имя будет проклинаемо всеми.

Ладно, довольно пафоса. Первоначальный список вопросов сформирован, деньги приготовлены. Необходимо ещё найти способ связаться с людьми герцогини, чтобы продублировать вопросы и им тоже. Кузьмич опять будет ворчать, что я расходую энергию алтарного камня почём зря. Но против меня ведётся война. А для ведения войны, как говорится, нужны всего три вещи. Родовитый Люк предложил мне с утра поучаствовать в охоте на упырей, которые расплодились после войны. Проверка, очевидно, будет именно там.

* * *

В упырей превращаются чаще всего чужаки, то есть умершие и не сожжённые по обряду пришлые. Поэтому количество упырей после войн всегда резко возрастает. Питаются упыри кровью, но не брезгают и плотью жертв. Могут наесться про запас, при отсутствии пищи впадают в анабиоз. В таком состоянии их практически невозможно обнаружить никакими средствами. У сытого упыря достаточно сил для того, чтобы нападать и днём, голодный просыпается исключительно ночью и ждёт в засаде, не двигаясь, чтобы не тратить энергию понапрасну. За ночь упырь может также сменить место дневной лёжки в надежде, что на новом месте ему больше повезёт с добычей. Если пищи нет очень долго, то упырь лишается телесной оболочки.

Упырь выглядит как очень худой человек с большой, лысой, абсолютно круглой головой, большими глазами навыкате и пастью с выпирающими верхними клыками.

Упыри в одиночку не представляют особой опасности. Они довольно медлительны, и поэтому от одиночки нетрудно убежать, а специфическое подвывание, которое они издают при ходьбе, позволяет загодя их услышать. Кроме того, днём они теряют большую часть сил и становятся легко воспламенимы. Своих жертв они находят прежде всего по запаху, поэтому если держать при себе что-нибудь резко или неприятно для упыря пахнущее, можно пройти незаметно для него буквально в нескольких шагах.

Однако всё меняется, если упырей собирается более десятка. Во-первых, в этом случае они получают возможность распространять вокруг себя ауру слабости, которая лишает их жертвы воли и сил. Во-вторых, они могут как бы ускорить часть группы, и убежать от них становится очень сложно. В-третьих, чем больше упырей в группе, тем умнее каждый из них, так что поймать их, к примеру, днём становится гораздо сложнее. Да и запахи перестают быть для упырей главным доказательством наличия или отсутствия добычи.

Методы борьбы с упырями довольно просты и незатейливы: боевые заклинания любой школы, серебро с рунами, осина, алхимические самовоспламеняющиеся жидкости. Причём всё это можно использовать в различных формах и сочетаниях. Например, отрубить голову упырю свежесрубленной осиновой жердиной гораздо проще, чем обычным стальным топором.

Организация охоты говорила о большом опыте родовитого Люка и его людей – одно то, что у них с собой были нюхачи. Это небольшие, абсолютно слепые летучие мыши, у которых над пастью, усеянной маленькими острыми зубами, располагался почти свиной пяточок. Венчали голову громадные, размером почти в треть крыльев, уши. Нюхачи способны учуять нежить, спрятавшуюся днём, даже под землёй.

Поводом для охоты послужили несколько сообщений о нападениях группы упырей на одиноких путников и парочки, устраивающие свидания за пределами деревень. По сообщениям спасшихся, нападавших упырей было меньше десятка, однако родовитый Люк, проанализировав все случаи нападения, забил тревогу. По его прикидкам получалось, что нападения на самом деле совершала большая группа, не менее пятидесяти особей, главарь которой смог догадаться разделить группу для того, чтобы меньше привлекать внимание.

И действительно, нападения уже осуществлялись несколько месяцев, но никто не волновался, предполагая, что упырей немного и справиться с ними будет в случае необходимости легко. Поэтому все заинтересованные особы азартно торговались о стоимости услуг по упокоению данной нежити, пока упыри собирали свою кровавую жатву.

Неизвестно, сколь долго это могло бы продолжаться, однако родовитый Люк имел определённую репутацию среди окрестных властей. Поэтому его слова, что если упырей окажется менее тридцати, то он не возьмёт ни пфеннига за их уничтожение, а если больше – то владельцы и управители земель заплатят вдвое, произвели должное впечатление.

Главной неожиданностью для меня оказалось то, что мне всё-таки смогли подобрать оружие – револьвер, стреляющий серебряными, испещрёнными рунами пульками, ранящими нежить. Конечно же никто не ожидал от меня подвигов, тем более с незнакомым оружием, но определённую уверенность он мне придал. Кроме того, я уже по собственной инициативе прихватил из арсенала (большой телеги, с которой выдавалось вооружение привлечённым в оцепление охотникам из местного населения) несколько склянок с алхимическими составами, чем заслужил одобрителный кивок родовитого Люка.

Завершал моё вооружение тесак с серебряной кромкой по лезвию, с вытравленными на клинке рунами.

Одет я был в лёгкий кожаный доспех, с дополнительной защитой в виде серебряных вставок, ну и, естественно, не пренебрёг защитными амулетами. Встреча с кикиморой надолго (надеюсь, навсегда) излечила меня от недооценки опасности.

План охоты заключался в следующем. Оцепление, выставив стационарные амулеты против нежити, ждёт нас в условленном месте. Мы же выполняем роль загонщиков. Обнаружив упырей, мы должны поднять их и заставить бежать от нас. Днём это будет нетрудно, поскольку упыри при свете солнца не воют. Мы гоним упырей на оцепление, которое по нашему сигналу включает свои амулеты, и после этого останется лишь уничтожить самых сытых – остальные сгорят от действия амулетов. Если в выбранном направлении упырей нет, то загонщики начинают двигаться с другой стороны. Выбор места, где должно стоять оцепление, является одним из главных секретов хорошего охотника на нежить. Больше двух попыток в день у нас не будет, поскольку потом есть ненулевая вероятность ночного сражения, а с этим шутить не стоит. То есть если не получится сегодня, то надо будет ждать, когда упыри своими нападениями снова дадут достаточно информации для вычисления района их нахождения.

Выехав за ворота замка, мы направились не к тому месту, где были зафиксированы последние нападения, а несколько в сторону. Вскоре мы разделились с оцеплением, которое пошло дальше по дороге под предводительством родовитой Барбары де-Леман. Наш же отряд, состоящий из девяти взрослых магов и меня, отправился по малозаметной тропинке в лес. Я ехал в середине кавалькады, прикрываемый и спереди, и сзади. Если до

разделения были слышны шуточки и смех, то сейчас все посерьёзнили и сосредоточились.

Приехав на лесную поляну, выпустили нюхачей. Я по-прежнему оставался в середине группы, но теперь вплотную к родовитому Люку. Рядом с нами находились маги из тройки родовитого, остальные две тройки немного разъехались в стороны, перекрывая доступ к нам со всех сторон. Сёдел никто не покидал.

Нюхачи стали возвращаться примерно через пятнадцать минут и принесли с собой неутешительные известия – никого не было обнаружено. Это несколько не обескуражило нас, и охота была продолжена. Мы поехали в направлении оцепления. Остановились где-то через полчаса, и вся процедура повторилась. Снова пусто. В этот раз мы отъехали в сторону, как бы огибая место засады. Где-то через сорок минут снова остановились и выпустили нюхачей в третий раз. Есть! Один из них вернулся почти сразу и не сел на подставленную руку, а стал описывать круги вокруг всадника. Подозвав остальных нюхачей, маги направили их в том же направлении, откуда прилетел принесший долгожданные известия, и неспешно двинулись в ту же сторону. Порядок движения отряда изменился: тройка родовитого Люка и я остались верхом, остальные спешили и отдали коней одному из тройки родовитого. Тот, с лошадьми в поводу, стал арьергардом. Две тройки справа и слева от нас рассыпались по лесу и шли, опережая нас на десять – двенадцать метров, выдерживая расстояние между собой от метра до четырёх. Между тропинкой, по которой мы ехали, и крайними магами каждой из троек было не более пятнадцати метров. Один из бойцов центральной тройки ехал впереди, я – после него, замыкал нашу плотную группу родовитый Люк. Со своего места я изредка видел пеших магов, которые шли довольно осторожно, держа в одной руке палочку, а в другой – клинок, типа того, что я подарил Грете.

Внезапно прямо перед мордой впереди идущей лошади спикировал нюхач. Та с достоинством выдержала подобное испытание нервов, а нюхач, вереща, стал описывать круги вокруг кучи старых веток, лежащих чуть в стороне от дороги. Уже на втором круге ветки разлетелись в стороны, и на нас прыгнули четыре упыря.

Я даже не успел поднять револьвер, как над моим ухом пролетел сгусток энергии иссиня-чёрного цвета, выпущенный из палочки родовитого Люка. Миг – и голова одного из упырей взрывается малоаппетитными ошмётками. В этот

момент едущий первым маг смог одновременно и одним движением руки срубить голову второму, и произнести заклинание *vise*. Из его палочки вылетел шарик розового цвета, который, ударившись в грудь упыря, превратился в обруч, захвативший как второго из неповреждённых, так и уже попавшего под удар родовитого Люка безголового упыря, и сдавил всех троих, отчего они повалились на землю. Продержался обруч не более трёх секунд, но этого времени хватило родовитому Люку для того, чтобы послать своего коня вперёд и закрыть меня собой, произнеся при этом: «*Flagellignis*». Тут же его палочка преобразилась в длинный оранжево-красный хлыст, одним ударом которого он снёс головы обоим ещё опасным упырям.

Лишь в этот момент я сумел освободить свой револьвер из седельной кобуры. Покачав головой – коря себя за такую нерасторопность, – я проверил револьвер, взвёл курок и положил поперёк седла. Родовитый Люк подъехал ко мне:

– Ну как, не страшно?

Я пожал плечами.

– Скорее обидно, что так сплеховал.

Он лишь неопределённо хмыкнул на это заявление и отъехал в сторону.

Вскоре показался край леса, и уже на выходе почти аналогичная нашей стычка произошла с правой от нас тройкой. В этот раз упырей было двое, и покончили с ними столь же быстро и опять-таки почти без ран. Однако де-Леман не спешил радоваться этим успехам. Немного отъехав от леса, он спешился и подозвал всех своих людей для обсуждения обстановки.

– Итак, какие у кого мысли по поводу происходящего?

– Необычно хорошо они прячутся, – заявил самый пожилой из магов, с лицом, изборожденным морщинами, командир правой тройки. – Нюхачи их чуть ли не в последний момент чуют.

– Так, ещё кто что заметил?

– Место уж больно необычное для своих ухоронок упыри выбрали, – вступил в разговор Грэм де-Леман, исполнявший роль коновода. – Обычно они под землю стремятся, ну или уж поближе к еде перебираются.

– Шустрые они какие-то. Как будто не день на дворе, а сумерки самые настоящие, – маг, произнесший это, щеголял порванным и окровавленным рукавом доспеха.

– И я, когда голову этому сносил, нешуточное сопротивление почувствовал, – это вступил в разговор второй маг из тройки де-Лемана.

– Таким образом, – подводя итог разговора, произнёс родовитый Люк, – можно сделать вывод, что они либо нажрались крови и мяса от пуза, либо их не пятьдесят – шестьдесят, как думал я, а куда больше. Лично я склоняюсь ко второму варианту.

– Есть и ещё один вариант, – это заговорил массивный, поперёк себя шире, маг, командующий тройкой, ещё не встречавшейся сегодня с упырями. – У них предводитель может быть.

– И кто, на твой взгляд? – тут же обернулся к нему де-Леман. – Альп или берендей?

– Не знаю. Но уходить отсюда надо. Если это берендей, то первородного мы не прикроем.

– Что это за берендей, который позволил шесть своих подданных уничтожить? – горячо возразил маг с порванным рукавом.

– Даже если вероятность такого совсем невелика, высокородный, – ого! – Френсис прав, так рисковать мы не можем, – родовитый Люк прервал возможную перепалку в самом зародыше. – Поэтому делаем так...

Он отправил родовитой Барбаре своего нюхача с посланием обо всём произошедшем и приказом выдвигаться к определённому месту, причём она должна была развернуть там своих людей в боевые порядки. Мы же сели на лошадей и стали продвигаться в ту же сторону. Нюхачи летели впереди нас,

прощупывая окрестности.

Наверное, мы бы так и ушли, спокойно и никого не потревожив, но когда нюхач одной из магов указал на земляной холмик, мимо которого, в принципе, уже все проехали, нервы её не выдержали и она закричала:

– Crepitus!

Так как я ехал почти в арьергарде, то, обернувшись на крик, успел заметить, как с её палочки сорвался ярко-красный шар и понёсся в холм. В стороны полетели комья земли, раздался взрыв, и тут же, перекрывая все звуки, страшный рёв, из-под земли на нас выскочило более десятка упырей.

Первый мой выстрел ушёл в молоко. На спуск я нажал быстрее, чем довернул ствол хотя бы в сторону противника. Остальные не были столь неуклюжи. Пока я взводил курок для второго выстрела, пятеро упырей уже лишились голов, ещё трое обзавелись различными травмами. Однако и они, и четверо неповреждённых уже подобралась вплотную к нам, и маги вступили с упырями в рукопашный бой. В этот момент раздался упыриный вой уже с другой стороны и на нас бросился второй отряд, численностью тоже около десятка. А в следующий миг внутри нашего построения возник юноша с бледным лицом и платиновыми волосами в широкополой шляпе. Глаза его были налиты красным, клыки не помещались во рту, пальцы оканчивались длинными ногтями.

Он открыл рот и зашипел, показав раздвоенный, как у змеи, язык. Этого даже тренированные кони бойцов де-Лемана не вынесли и шарахнулись в стороны, ломая строй. Свою лошадь я даже не пытался удержать, а сразу же, увидев нашего «гостя», соскочил с неё. Продолжая шипеть, альп, а это был именно он, повернулся ко мне. Несколько заклинаний, пущенных магами, безвредно для альпа стекли с него в землю. Расставленные руки, язык, ходящий вверх-вниз, точно как у змеи, распахнутый рот с непропорционально большими зубами... Вот в эту-то распахнутую пасть я и выстрелил.

Альп упал навзничь, шипение оборвалось.

Вдруг я услышал крик:

– Сзади!

Не разбираясь, кому это кричали, я тут же бросился на землю, стараясь перевернуться на спину. Попытка удалась частично – я упал набок, и первый, кого я увидел, был родовитый Грэм де-Леман, младший сын родовитого Люка, который вытянул в моём направлении руки. В следующую секунду я рассмотрел, что от его рук в мою сторону идут лучи силы, образуя вокруг меня что-то вроде купола, а повернувшись, обнаружил двух упырей, довольно вяло пытающихся добраться до меня.

Я вскочил на ноги и взвёл курок, после чего скомандовал родовитому Грэму:

– Убирай.

Купол тут же исчез, и упыри попытались добраться до меня. Однако одному я снёс голову выстрелом, а со вторым расправился родовитый Грэм, пославший в него луч оранжевого цвета заклинания *ardens*, заставивший упыря загореться.

Я переломил револьвер и начал вытаскивать пустые гильзы. В первый момент удивился, обнаружив, что израсходовал всего три патрона и два гнезда оказались снаряжёнными. Всё это время родовитый Грэм стоял рядом со мной с палочкой наготове. Полностью зарядив револьвер, я снова взвёл курок и осмотрелся.

Оказалось, что пока я возился с оружием, остальные уже перебили всех нападавших и теперь занимались своими ранами. Ранены оказались все... кроме меня. Даже родовитый Грэм, оказывается, получил рану на спине, пока держал купол защиты.

Подойдя к родовитому Грэму, которому именно в этот момент лечили спину, я спросил:

– А что это было за заклинание, которое образует подобный купол, да ещё и без палочки?

– Это не заклинание, а скорее желание, которое может использовать лишь вассал, оберегающий своего господина. Вассал может держать этот щит, пока у него не закончатся все – и магические, и жизненные – силы, или до тех пор, пока сюзерену не перестанет угрожать непосредственная опасность.

– И как вы додумались применить именно этот способ, а не напасть на них? В этом случае вы бы не пострадали.

– Мне отец ещё в замке приказал в случае нападения на вас использовать именно этот способ защиты.

– Но ведь... – и тут до меня дошло.

Ну конечно! Какой же я идиот! Зачем рисковать своим родичем, натравливая его на меня и рискуя, в том случае если вассальная клятва всё-таки действует, заработать нехилый откат от магии на весь род, если можно посмотреть, а действует ли защита сюзерена, не позволяющая добраться до меня никому, пока вассал не умрёт от истощения. Ведь для того, чтобы от истощения умер вассал, защищающий меня от одиночного или, как получилось, двойного нападения обычных упырей, да ещё днём, им долго надо в эту защиту биться, а такого шанса упырям никто предоставлять не собирался. А если защита не действует – руки и совесть родовитого Люка абсолютно чисты.

Правда, в реальности этот план мог накрыться... если бы буквально за секунду до этого я не убил альпа.

Я был зол на родовитого Люка. Прежде всего за то, что когда обстановка изменилась, он не отменил свой приказ о моей проверке. Подойдя к нему, я посмотрел главе рода Леман прямо в глаза. Тот опустил голову и встал на колени:

– Благодарю вас, сюзерен. Вы спасли моего сына и всех нас. Я в вашей власти.

Установилось молчание. Я просто физически чувствовал, как среди бойцов рода Леман нарастает недоумение: если слова родовитого Люка ещё можно было объяснить логически, наблюдая всю картину со стороны – ну, может быть, вассал извиняется перед сюзереном за то, что подверг его жизнь дополнительной ненужной опасности, – то моё молчание в ответ вообще на голову не налезало. Наконец я протянул родовитому Люку правую руку. Тот поцеловал её. Тогда я произнёс ритуальную фразу:

– То, что было, забыто. То, что будет – будет.

– Спасибо, сюзерен.

Уже через полчаса мы въезжали в ворота замка Ипр.

Глава 5

От этого рейда на нежить я получил в качестве трофея шляпу альпа. Так что у меня будет, чем порадовать мастера-ремесленника Браувера. Не думаю, что ему часто выпадает возможность работать с такими материалами: рог прислужника демона, ноги сильнейшей кикиморы, шляпа сильного (раз смог держать в повиновении тридцать упырей, то силён... был) альпа.

Согласно договорённости между охотниками и пострадавшими от упырей, раненые ожидали нас в замке. После осмотра трофеев и нескольких охотничьих баек возник небольшой спор. Поскольку общее количество упырей, которые мы уничтожили, было двадцать девять, некоторые из управителей коммун стали отказываться от условий сделки, говоря, что поскольку родовитый Люк говорил, что упырей больше тридцати, то и предъявить должен больше тридцати, а про альпа разговора вообще не было. Родовитый Люк, досадуя на себя за все ошибки, которые успел совершить за эти дни, готов был пойти на уступки и взять лишь обычную плату. Однако почувствовав слабость, чиновники стали давить родовитого Люка при непротивлении владельцев аристократов. Но тут на авансцену вышла родовитая Барбара:

– То есть охота должна была убить больше тридцати упырей, чтобы вы согласились уплатить двойную цену?

– Да, – важно кивнул ей лидер скупых, бургомистр города Поперинге.

– Что ж, тогда прибавьте к головам, привезённым моим отцом, ещё две головы, добытые моим отрядом.

– Но эти упыри не принадлежат к тем, которые совершали нападения на мой город!

– Вы лично у них интересовались? – невинно поинтересовалась Барбара. После её слов кто-то хохотнул, кто-то закашлялся, но в основном все соблюдали молчание. Оглядевшись по сторонам и увидев очень мало сочувственных взглядов (даже аристократы, обязанные платить, посмотрели на бургомистра после этих слов безо всякой приязни), бургомистр Поперинге понял, что проиграл. Однако он попытался ещё что-то выторговать:

– Ну ладно, мы готовы заплатить обычную цену.

– Ну уж нет, – встrepенулcя глава рода Леман. – Как вы там говорили, сделка есть сделка, кажется?

Так что и аристократам, и чиновникам пришлось раскошелиться на двойную оплату. Вознаграждение же за альпа выплачивалось только в Брюсселе. Судя по тем взглядам, которые кое-то при выплате бросал на главу города Поперинге, последнему придётся пережить ещё немало неприятных минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Шуликун – начальная стадия развития домового.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sv-sk-sa_/naslednik-roda-rivas

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)